
И. М. ГРЕВС
КРОВАВАЯ
СВАДЬБА
БУОНДЕЛЬМОНТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
БРОКГАУЗ
ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД
1925

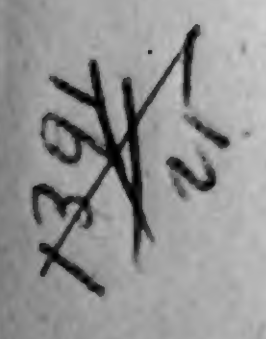
ТИПОГРАФИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
БРОКГАУЗ-ЕФРОН
ЛЕНИНГРАД, ПРАЧЕШНЫЙ, 6.

Ленинградский Гублит № 12.207. Напечатано 2000 / 6.

И. М. ГРЕВС

КРОВАВАЯ СВАДЬБА БУОНДЕЛЬМОНТЕ

ЖИЗНЬ ИТАЛЬЯНСКОГО ГОРОДА В XIII ВЕКЕ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО БРОКГАУЗ-ЕФРОН
1925

П-04

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В предлагаемой книге внимание обращается к бытовому прошлому замечательного города, судьбы которого интересны всякому, кто дорожит знакомством с человеческою жизнью вообще, — ученый и художник, мыслитель и поэт, экономист, политик, — просто человеку, задумывающемуся над вопросами культуры, чувствующему связь свою и своих современников с историею, хотя бы она была уже далека от настоящего. Избранный эпизод отводит нас в давнее «средневековье»; но там — многие корни новой культуры, и около рассказываемых здесь драматических событий группируются разнообразные картины общественного быта, столкновений социальных классов, — в которых ярко открываются перед нами процессы, какими творится жизнь в богатой и сильной природной и культурной среде. Думаю, что за тем, что написано здесь, легко будет следить читатель, который хочет осветить свое сознание изучением того, в какие формы слагается труд человеческих групп, борющихся за право и улучшение жизни, ищущих усло-

вий для достойного существования и стремящихся преодолеть препятствия на пути.

У нас мало пишут теперь о культуре Италии [1]), хотя издавна русские ученые, художники, люди, стремящиеся к образованию вообще, интересуются этою страною, и наши писатели с любовью изображали ее [2]). Но значение этого вопроса понимается нами. В частности, изучение Флоренции рекомендуется и современными программами для наших трудовых школ. Сначала в нашей книге рисуется образ Флоренции во времена ее бурной юности, в будни и в праздник; потом на этом фоне развертывается цепь фактов и происшествий, рисующих трагедию истории, которая нередко скрывается от глаз наблюдателя ее блестящею стороною.

---

[1]) Кстати укажу на только-что вышедшую книжку «Средневековой быт», сборник статей под редакцией О. А. Добиаш-Рождественской, А. И. Хоментовской и Г. П. Федотова (Ленинград, изд. «Время», 1925): в ней есть несколько красивых и содержательных этюдов, относящихся к культуре Италии в ту же эпоху, которая затронута здесь.

[2]) См. книгу автора этих строк — «Тургенев и Италия» (Ленинград, изд. Брокгауз-Ефрон, 1925).

Гвельфы и Гибеллины во Флоренции. Кровавая свадьба Буондельмонте.

1.

Прекрасна Италия — и по дарам природы, и по созданиям истории. Она богата благами роскошного климата и плодородной почвы, украшена чудными картинами южного, неповторимо своеобразного, то величественного, то изящно-тонкого пейзажа; она играла издавна крупную роль в прошлой жизни человечества. От веков античности (греко-римской цивилизации) до новейших времен она являлась носительницею высокой культуры и первостепенной трудовой энергии, хозяйственной, общественной и духовной, была передовою, руководящею страною.

Как цивилизованная земля, Италия всегда изобиловала городами, которые вообще во все эпохи человеческой истории служат очагами высшего напряжения культурной работы во всех областях жизни, в экономической или матерьяльной, и в кругу социального объединения, и в сфере развития наук и искусств. В центре же ее неколебимо стоит тот первейший из всех город, который приобрел себе почетное прозвище «Вечного», — город из городов. Рим был столицею мира во времена поздней античности, в языческой римской империи; он остался церковною

главою Запада в долгое средневековье, не потерял значения великого центра и теперь. В Италии есть и более старые, чем Рим, крупные оседлости, ведущие свое рождение от далеких веков владычества этрусков и греков; потом множество их основано было Римом, не мало появилось еще позже, когда поникло политическое первенство его.

То, что эти города и тогда продержались живыми, только некоторые хирели, другие даже расцветали, появлялись новые, даже великие, как Венеция, выросшая чуть ли не из волн Адриатики, или крупные, как Амальфи на крутом побережьи южной части Тирренского моря, — это показывает, что Италия умела и в пору упадка постоять за себя. Во время разлива варварства и феодального хаоса она была в силах противодействовать одичанию, бороться за блага жизни и духа, за труд и творчество против бедности и грубости, рабства и кровавых насилий, застоя и поворота назад.

Один итальянский писатель, пламенный патриот, утверждает, что европейская цивилизация, по преимуществу,—итальянская, итальянская же, по преимуществу, — флорентийская. С первого раза кажущиеся пристрастными слова, однако, заключают значительную долю правды: в Италии, действительно, зарождались крупнейшие культурные течения истории. Флоренция же, в самом деле, из всех первоклассных центров Италии, кроме Рима, самое сильное и замечательное социальное существо.

Ренан, знаменитый французский ученый, блестящий историк-художник, говорит, что Флоренция после Афин больше всех других послужила благу

человеческого духа; он называет ее вместе с Афинами «матерью всякой истины и всякой красоты». Но не только для наук и искусств, для высшего просвещения, породила Флоренция незабываемые ценности; она была лучшим отечеством и для нового хозяйства, нового права, новой гражданственности; она же сохранила вечно великое наследие древности для переработки его в новую культуру. Это—замечательный, полный и цельный, общественный и духовный организм.

Тоскана — та область, среди которой возникла Флоренция, — благословеннейшая часть Италии. Расположенная в самом сердце полуострова, ограниченная на западе морем, с востока мощною дугою Апеннин, она вся наполнена их отрогами, их понижающимися уступами; а дальше она покрыта грядами и группами мягких холмов, пересеченных реками и речками, которые дают землям влагу и жизнь, иногда даже переполняют почву. Они почти все впадают в Арно, главный поток Тосканы, когда-то многоводный, объединяющий всю страну, который вдоль светлой, живописной долины мирно движет свои воды вперед, чтобы излиться в Тирренское море. Недалеко от того места, где река, вырвавшаяся из объятий гор, поворачивает круто с севера на запад, по обоим берегам ее, больше на северном, меньше на южном, расположилась Флоренция.

Лучше всего теперь она покажется впервые перед нами, если мы будем подъезжать к ней с востока (из Фаэнцы). Строгие громады высоких Апеннин, заросшие темным лесом, выше из великолепных елей, ниже из дубов, каштанов и вязов, остались у нас за

плечами; поезд большими спиралями спускается с гор. Перед глазами развертывается понемногу широкое ложе реки, и внизу вьется ее серебристая лента. Приветная панорама долины, залитой смягченным светом вечернего солнца, улыбается нам навстречу. Отодвинувшиеся на горизонт крутизны золотятся лучами заходящего светила; но вся местность вздымается и волнуется небольшими высотами. На округлых вершинах многих холмов до сих пор поднимаются старые башни, развалины сеньериальных замков, или высятся стены и колокольни также древних монастырей. Уютные виллы, окрашенные в желтый цвет, с зелеными, либо коричневыми ставнями, разбросаны по пологим скатам, пропадая в листве деревьев; сельскохозяйственные постройки виднеются среди виноградников, из-за серо-зеленых рощ пушистых олив, окруженные остроконечными кипарисами и высокими зонтиками пиний. Густые камыши колышутся у самой воды, местами обрамленной песчаными отмелями.

Вся земля, тщательно обработанная, говорит о трудолюбивом довольстве... Исторические воспоминания, врожденный вкус населения, плодородие полей, обилие текучих вод, благорастворенность прозрачного воздуха — все содействует тому, чтобы обратить этот край в самую счастливую часть Италии, один из привлекательнейших ее уголков. Греющему влиянию здоровой, прелестной природы своей родины обязаны, в значительной степени, жители Тосканы простой веселостью своего нрава, бодрой работоспособностью, ровным характером, милым складом ума, живым чувством красоты, любовью к поэзии, легко возбудимым, но всегда трезвым воображением.

Путь извивается между последними крутыми обрывами, и поминутно, когда открывается вид на равнину, перед нами предстает силуэт города, единственного в мире, как бы выточенный из камня, с его башнями, спокойный и стройный, весь собравшийся около огромного темно-пунцового купола собора «святой Марии с цветком». Ближе к нам Флоренция раскинулась на гладкой ровной поверхности, а на заарнской стороне дома громоздятся по высокому склону, и их опоясывает старая, местами заросшая плющом стена. Флоренция приветствует вас ласковым взором, как бы зовет голосом любви. Чувство гармонии сразу охватывает вас. А когда вы рассмотрите ее внимательно целиком с вершины одного из ближайших холмов, Fiorenza (так в старину ее называли) — «цветущий город», покажется вам жемчужиной или камеей, драгоценностью тончайшей чеканки, положенной в роскошную корзину свежей зелени и ароматных цветов. Вас быстро победит очарование.

Первое впечатление от изумительного города воспринимается, как некая завершенная, ясная песнь, как единство, достигнутое долгою историею. На городе покоится печать многих преодоленных бурь, умиротворенное величие. Но невсегда было так. Флоренция пережила трудное прошлое, в котором переплетались резкие противоположности высокого и низкого, контрасты добра и зла. В первой половине XIV в. один из замечательнейших старых историков Флоренции, современник знаменитого поэта Данте и его единомышленник Дино Компаньи набрасывает в начале своей интереснейшей хроники описание и портрет «благородного» города (la nobile città):

«Флоренция построена под знаком Марса, богатая и обильная пресною водою от царственной реки Арно, которая делит ее почти пополам. Воздух в ней теплый, и она защищена от вредных ветров. Мало у нее земли, но она изобилует разнообразными плодами; граждане ее смелы в сражениях, горды и склонны к раздорам; они любят запретные выгоды. За великую силу соседи больше сторонятся и страшатся ее, чем любят». Здесь в бесхитростно-простых словах хорошо соединены внутренние противоречия, из которых соткана была природа флорентийцев, высказаны опасности, грозившие ей от нее самой и от внешнего мира. В скромных и сдержанных словах чуется корень трагедии.

Замечательно, что эти легко возгоравшиеся взаимною ненавистью граждане были тем не менее полны сильною любовью к своей невсегда приветливой родине. Она влекла к себе каким-то моральным магнитом, хотя приходилось нередко отдельным из ее сынов и целыми группам терпеть удары в связи с суровыми переменами ее судеб, жестокими смутами и переворотами, совершавшимися в ее жизни. Даже у тех, кого она подвергала несправедливым преследованиям, кого изгоняла из своего лона, как сделано было даже с Данте, лучшим из ее граждан, в 1302 году, чувство негодования и ненависти за обиду не могло высушить в их сердце источник любви.

Флорентийцы ощущали себя нераздельною частью родного целого, их душа покорялась развивающемуся блеску своего города, растущей его славе. Такое восхищение облагораживало инстинктивную связь кровного родства и взаимодействия интересов, какая есте-

ственно приковывает граждан и обывателей к гнезду, где они родились, и которое их вырастило. Для прославления родного города превыше Рима, который он видел в упадке и разрушении на папском юбилее 1300-го года, и тем самым особенно возгордился за честь своего отечества, другой даровитый летописатель прошлого Флоренции, Джованни Виллани, предпринял свой большой исторический труд.

История Флоренции поучительна для всех времен и для всех людей. В настоящем рассказе вспоминается один трагический момент из далекой флорентийской старины. Хочется воспроизвести этот эпизод, передать его события и описать обстановку. Картина покажет, как трудно, среди тяжких борений и лихих испытаний совершался могучий рост будущего великого очага лучших благ человеческой культуры, с какими бедами приходилось считаться и населению, и правительству, державшему в руках власть и дела в городе. Это — полная содержания страница из жизни средневекового города вообще, а средневековой город — это колыбель существенных явлений новой культуры.

Внимание обращается к самому началу XIII столетия. Флоренция тогда проходила тоже тринадцатый век своей жизни. Но еще и гораздо раньше, до ее рождения, прекрасный край на берегах Арно, где она воздвигалась, был уже заселен. Не у самого берега, а взгромоздившись на крутой седлистый холм, господствующий над долиной, на расстоянии не более часа ходьбы от нынешней Флоренции, процветал уже много веков до р. Хр. богатый и крепкий этрусский

город **Фэзулы**[1]). Этруски долго господствовали не только в средней, но и в северной и в южной Италии. Во впадине, между двумя вершинами отстроились жилища граждан, на высоте одной из них поднялся мощный кремль, и все поселение, довольно значительное, обнесено было неразрушимою стеною, возведенною из колоссальных плит грубо обтесанного дикого камня. Внушительные остатки ее до сих пор славят предприимчивый таинственный народ, сильный в труде и строительстве. Город богател от торговли с эллинским миром; известен он был также мистериями религиозных культов и чтимыми оракулами, знакомство с которыми смелые руководители этрусских городов выносили из своих сношений с востоком.

Фэзулы не потеряли значения и когда Этрурия покорена была римлянами (IV в. до р. Хр.). Независимость исчезла, благосостояние продолжалось. После потрясений завоевания, а позже вслед за освобождением от нашествия на Италию знаменитого карфагенского полководца Аннибала (конец III в. до р. Хр.), в стране утвердились мир и оживленное коммерческое движение по тогда судоходной реке от находившегося около устья Арно торгового (также этрусского) центра у моря, города Пизы. Богатый природными дарами край обладал собственными продуктами сбыта. Настали спокойные годы, и жители города, взобравшегося на спину надежного холма, уразумели, что положение, выгодное для защиты, становилось неудобно, коль скоро выдвинулись на первый план хозяйствен-

[1]) Ныне маленький городок **Фьезоле** над Флоренцией с монументальными развалинами и чудным видом оттуда на Флоренцию напоминает о далекой старине.

ные интересы. Когда вдоль реки катились волны переселенцев или нападающих хищников, хорошо было, укрываясь от них, огородиться на скале, но с тех пор, как по течению ее поплыли товары, лес, хлеб, плоды и обработанные изделья из шерсти и металлов, надо было приблизиться к воде.

Фэзуланцы стали спускаться к Арно, и на правой же (северной) стороне его основана была пристань с поселком. В торжественной процессии сошел с высоты этрусский жрец-лукумон и по-старому обряду провел медным плугом, запряженным белым быком и белою коровой, межевую борозду для новой оседлости (такою церемонией, предание говорит, освящено было, по этрусскому образцу, и основание Рима). Новая гавань скоро превратилась в пункт деятельной житейской работы. Состоялось это около 200-го года до нашей эры, когда Италия оправилась от бедствий второй пунической войны. «Нижние Фэзулы» были, повидимому, уже тогда прозваны римлянами «Флоренциею», именно потому, что построенная торговая пристань на Арно быстро достигла «процветания», среди края, также «цветущего» плодородием.

Просуществовала, однако, «этрусская Флоренция» не долго. Фэзулы приняли участие в восстании против Рима италийских городов (90 — 88 г. до нашей эры), и в жестокой репрессии римлян-победителей она была разрушена, сравнена с землею, по приказу диктатора Суллы. Горные Фэзулы (старый город) были пощажены. Впрочем, берег Арно под этим городом оставался незаселенным только короткое время. Вскоре (вероятно, в 59 г. до нашей эры) сюда выведена была по инициативе Юлия Цезаря колония римских граждан

и основан новый город чуть-чуть западнее уничтоженной фэзуланской гавани, на чистом, незанятом месте, где свободно можно было строить и устраиваться по желанию. Официальное наименование его было — колония Юлия Флоренция. Это было рождение той, которая до сих пор существует, пережив долгое, бурное и блестящее прошлое и сохраняя деятельную жизнь до наших дней.

Правильный квадрат римской колонии (— так они постоянно разбивались —), примерно, около 400—500 метров длины по каждой стороне, можно легко вскрыть на плане позже разросшегося города: отчетливо восстановляется линия римских стен, место четверых ворот по средине каждой стороны квадрата и направление соединяющих их двух главных улиц, пересекавшихся под прямыми углами в средине всей городской территории, где располагалась главная площадь, торговая и правительственная (форум и капитолий). Всегда очень интересно, когда можно отыскивать, изучая историю города, наглядные следы далекого прошлого в плане и памятниках. Это как бы живо переносит в старину.

Римская Флоренция не сделалась первоклассным центром, но стала богатым и благоустроенным общежитием, промышленным и просвещенным, как погибшие (в I в. по р. X.) от извержения Везувия Помпеи, и картина, извлекаемая из изучения развалин и остатков быта последней, может служить приблизительно подобием того, чем была римская Флоренция [1]). Она находилась на одной из оживлен-

[1]) См. в превосходной книге G. Boissier, Promenades archéologiques. Rome et Pompéi (в русском переводе, изд. Са-

нейших дорог (Via Cassia), проведенных еще римлянами от Рима во все стороны: она соединяла столицу с северною Италиею; через реку вдоль ее полотна переброшен был мост там же, где теперь находится тот, что называется ныне «Старым» (ponte Vecchio), и сама дорога проходила через город с юга на север по линии одной из главных улиц, а затем дальше бежала через Апеннины к впоследствии богатой (ее прозывали в средние века «жирною») и ученой Болонье.

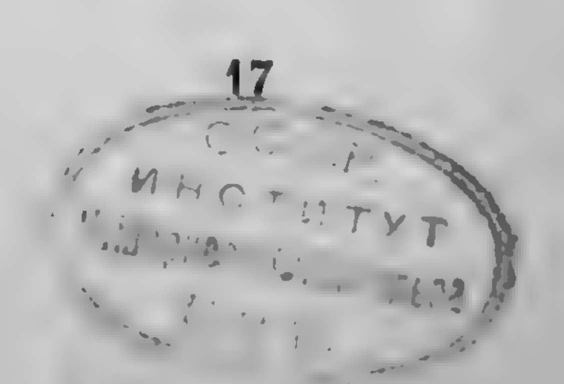
Мы, конечно, не можем прослеживать здесь всей истории нашего города, из которой берем для рассказа лишь один драматический эпизод [1]). Но необходимо было указать на его древность и его происхождение. После разложения римской империи Флоренция, как и другие города Италии, пережила испытания варварских набегов, а потом феодальных войн и смут. В X и XI веках она подпала власти крупных, очень влиятельных сеньеров, маркизов Тосканских, которые правили городом мягко и умеренно, — и население его, оказавшееся сильною по-

---

башниковых, к сожалению, пропущена глава о Помпеях, но ее можно найти в «Киевском Сборнике статей по классической филологии (1884 — 1887 г.»).

Ср. еще прекрасный очерк A. Mau, Pompei in Leben und Kunst (2 изд. Лейпциг, 1908). От римской Флоренции памятников не осталось; помпеянские отчасти помогут их воспроизвести в воображении. В Помпеях только сильнее, чем во Флоренции, были греческие влияния.

[1]) Краткий обзор этой истории в римской древности и раннем средневековьи см. в статьях автора настоящих строк — «Очерки флорентийской культуры», в московском журнале «Научное Слово» (1904 и 1905 г.г.) и в «Энциклопед. Словаре» Брокгауза-Ефрона (1 изд. 71 полутом).

родою ценких в работе людей, под их покровительством сумело достигнуть известного благосостояния. Город богател и рос. Когда владения маркизов Тосканских в начале XII в. распались, Флоренции удалось приобрести независимое внутреннее самоуправление, как тогда говорилось, права «вольной коммуны».

Городом правила коллегия «консулов», избираемая наиболее могущественными, знатными и богатыми гражданами. Но большое влияние на дела сохранял епископ города, и община граждан терпела притеснения от мелкого, сеньериального, вооруженного рыцарства, которое тесно окружало город густою цепью крепких замков, обладало домами и внутри города и не давало должным образом развернуться торговым и промышленным классам населения, подрывая развитие и свободу их труда военными насилиями и поборами. Тем не менее сила последних постепенно увеличивалась: в городе под влиянием распространения торговых сношений между странами, сопровождавшего крестовые походы (XII и XIII в.в.), — образовывалась новая «денежная» знать, орудовавшая промышленным и коммерческим капиталом; она устраивала широкое ремесленное производство и заводила отношения обмена не только с другими городами и частями Италии, но и с соседними государствами, более всего, с Францией. Она направляла свои взгляды и на восток, развивала банкирское дело, ссужала под проценты огромные суммы частным лицам, но главным образом — папам и светским государям.

Эта денежная аристократия, энергичная и предприимчивая, привлекала в городские стены много-

численное рабочее население, вытягивая его из деревни, высвобождая от власти земельных сеньеров, но подчиняя массу собственной эксплоатации, которая, впрочем, ощущалась трудовым людом, как положение, лучшее, чем феодальное крепостничество, тяготевшее над ним в деревне. Крупные промышленники нуждались в рабочих, потому они предоставляли им льготы; кроме того освобожденных привлекала более вольная и разнообразная городская жизнь и участие в общественных движениях, в которых они приобретали влияние и вес.

Купцы и промышленники вели упорную борьбу с земельно-рыцарскою знатью (nobili, cavalieri). Сначала последняя всецело господствовала в городе; потом ей пришлось разделить власть и привилегии с представителями движимого капитала; еще позже они уже будут стремиться вытеснить первых (магнатов — magnati) из политического управления коммуною совсем. Борьба окрашивала кровью повседневную жизнь; нравы ожесточались; разгоралась ненависть не только между социальными группами, но и между семьями, родами и личностями, сталкивавшимися между собою в перипетиях повседневных интересов и отношений. Грозили постоянные опасности смут, предательств, заговоров и мщений.

Жизнь города свертывалась в запутанный клубок противоборствующих течений. Кроме того извне его обвевали бурные ветры. На нем отражались события не одной итальянской жизни, но и общеевропейской истории. На почве Италии совершалось соперничество боровшихся за всесветное могущество двух мировых властей — «священной римской империи»,

носителями которой являлись германские государи, и римских первосвященников, добивавшихся кроме церковного верховенства также власти над миром, политического господства в Европе. Это вносило в жизнь города новую осложняющую стихию. Флоренция, следуя традиции Тосканских маркизов и специально знаменитой Матильды (†1115 г.), постоянной союзницы папы-монарха Григория VII, — крепче всех держала сторону римской церкви, но вполне освободиться от опеки империи ей не удавалось; происходили колебания, сеявшие новые враждебные сшибки интересов, страстей, политических пристрастий и раздоров. Тут и зародились, увидим, прославившиеся долгою борьбою партии гвельфов и гибеллинов.

2.

Не смотря на все указанные трудности существования, город рос и рос, проявляя изумительную способность развития не только богатства, но и духовной силы. Все происходившие в Италии религиозные движения ярко отражались на Флоренции; некоторые даже возникали в ней. Флоренция была также одним из важнейших центров средневекового просвещения в Италии; художественный вкус становился мало по малу особенностью духовной породы всех флорентинцев,—не преимуществом меньшинства, а как бы отличием расы (племени); и они уже любили и начинали культивировать поэзию. Контрасты уживались вместе, образуя в совокупности очень сильную и содержа-

тельную жизнь. Но все это расцветало, конечно, не сразу и не легко.

Рост города наглядно обнаруживался в расширении занимавшейся им площади земли. Он давно перешагнул за первую, римскую ограду, вылился за старый круг (cerchio antico). Из ворот простерлись вдаль целые улицы; стены прорывались новыми проходами, и за ними также возникали новые пригороды (borghi). Эти протягивавшиеся вширь заселяемые пути оплетались поперечными; создался кругом древнейшего ядра первоначальной Флоренции новый пояс — Флоренции средневековой; поселение перебросилось через реку на южный берег: образовался заарнский квартал. К концу XII века уже потребовалось опоясать этот вновь выросший город второю стеною (secondo cerchio), которая охватила пространство, более чем вдвое обширнейшее, чем прежнее, — и немедленно же продолжалось дальнейшее расселение ветвями и разветвлениями во все стороны за ворота второй стены. По вероятнейшим вычислениям число жителей Флоренции к 1200 году выражалось в цифре около 30 или 40000 человек: для тех времен то была сумма очень большая.

Картина города, однако, в ту эпоху не была похожа на настоящую. Теперь Флоренция, выше говорилось, в ее оригинальном лице дышит уравновешенною и радостною красотою архитектурного пейзажа. Тогда похожа на нынешнюю была только окружающая очаровательная природа — светлая лента реки, цветы и зелень, благорастворенный воздух, темносинее небо, холмистая долина, амфитеатр фиолетовых гор зимою с покрытыми снегом вершинами. Самый

же город вырисовывался гораздо более суровою фигурою. Знаменитых зданий — нынешнего собора, больших церквей и роскошных дворцов, общественных и частных, которыми Флоренция была впоследствии застроена по планам первоклассных зодчих возрождения, еще не существовало. Если смотрели на город с соседних высот, он щетинился целым лесом, по большей части, плосковерхих башен из серо-коричневого камня, которые выразительно воплощали совершавшиеся внутри борения.

План города представлял теперь запутанный лабиринт узких и кривых улиц и переулков, окаймленных тоже узкими, часто высокими домами. Местами расширялись площади, не очень просторные: в центре — старый рынок (mercato vecchio) на месте римского форума, ближе к Арно — новый рынок (mercato nuovo), совсем тесная и очень застроенная площадь собора у северных ворот старой римской стены, тогда еще стоявшей в виде внутренней ограды. Нынешнего мраморного кафедрального храма св. Марии, говорим, еще не было; а возвышавшаяся на том же месте базилика св. Репараты, служившая собором епископу, была значительно меньше, строже и проще. Рядом с этим храмом тогда уже стоял на той же площади восьмиугольный с остроконечною кровлею баптистерий св. Иоанна, являвшийся местом крещения новорожденных флорентинцев. Накануне пасхи, в страстную субботу приносили к его купели всех увидевших свет в течении года младенцев. Крещальня св. Иоанна (San Giovanni) была вместе с собором св. Репараты почитаемым религиозным центром города. Но и баптистерий не был укра-

шей тогда, как теперь, разноцветными мраморами и роскошными бронзовыми дверями, принадлежащими к числу чудес великого итальянского искусства. По преданию он воздвигнут был на месте, где возвышался прежде античный храм Марса, бога войны, который считался патроном древнего города. Став христианскою, Флоренция переменила покровителя (вместо Марса взяла Иоанна Крестителя); но передавалось, что статуя Марса, по старой привязанности или суеверию, была сохранена: ее будто бы перенесли на берег Арно и поставили у старого моста. За нее принимали в средние века (конечно, неосновательно) конную фигуру, там действительно издавна стоявшую (о ней еще придется говорить), и крепко держалось поверье, что от целости этого таинственного изваяния зависит благополучие города: погибнет оно и померкнет звезда Флоренции. Так языческие чувства и представления вкрапливались в христианские понятия и нравы.

В описываемой нами Флоренции глубокого средневековья было много других церквей: более восьмидесяти колоколов поднимали к небу свои звучные голоса каждое утро и каждый вечер; но эти места культа были скромные; не высилось еще около них стройных колоколен (campanili) с острыми завершениями; не было еще позже ставшей знаменитою «площади господ» (piazza della signoria), украшения Флоренции времен ренессанса: все ее место было беспорядочно застроено частными жилищами и не был еще возведен там роскошный дворец для правительства приоров (ныне palazzo Vecchio). Вся Флоренция была суровее и однотоннее, чем позднейшая; но

ощущение силы, крепкой жизни, больших надежд получалось от нее уж тогда [1]).

Интересно попытаться восстановить сквозь даль времен, какова была во Флоренции того времени **обстановка улиц и жилых домов**. Это очень важно для суждения о вещественном быте и, шире, об уровне культуры эпохи, наконец, просто для того, чтобы представить в воображении картину тогдашней жизни [2]).

[1]) От памятников тогдашней Флоренции (XII-го и начала XIII в.) также осталось немного; но похожий на нее облик запечатлен в изумительно до наших дней сохранившем средневековую физиономию городке Сан-Джиминьяно, расположенном (также в Тоскане) по дороге между Флоренцией и Сьеною. Это — великолепная окаменелость стародавних времен. Кроме того существуют иллюстрации древних зданий Флоренции в одной драгоценной рукописи, относящейся к XII-му веку. Нечто можно себе представить и по этим изображениям.

[2]) Сведений об этом надо искать, за неимением значительных вещественных остатков, в изображениях на старых картинах, гравюрах и рисунках (в их фонах и обстановках): надобно пользоваться и словесными описаниями в хрониках, письмах, юридических актах, беллетристических рассказах (новеллах), в поэтических произведениях. Для Венеции такой матерьял (интересный в видах сравнения) собран в прекрасно иллюстрированном сочинении P. Molmenti, La storia di Venezia (5 изд. 3 тома, Bergamo, 1910).— Для Флоренции существует более специальная работа о домах (также хорошо иллюстрированная).— A. Schiaparelli, La casa fiorentina nei secoli XIV e XV (Firenze, 1908). О ней статья Н. П. Оттокара в томе XV-м «Исторического Обозрения» (под ред. Н. И. Кареева). Хорошо прочитать эти книги тем, кто совладает с итальянским языком, или хотя бы пересмотреть находящиеся в них иллюстрации.—Существует еще любопыт-

Люди среднего и малого достатка (большинство населения) — второстепенные торговцы, мастера наименее видных ремесл, лавочники обитали в собственных, иногда наемных домах, скромных и скудных, которые давали картине довольно мрачную окраску. Строились они, в наиболее ранние времена, по большей части, из дерева; позже все чаще стал употребляться кирпич; низ (pian terreno) иногда обкладывался местным камнем. Деревянные дома упоминаются во Флоренции еще в XV в., хотя уже в гораздо меньшем числе, чем каменные. Один, но уже в виде исключения, отмечается в 1670 г. В таких домах чаще всего надстраивалось два или три (редко четыре) этажа; но фасад их был очень узок, вся занимаемая площадь невелика и в глубину. В каждом этаже находилось две-три комнаты. Низ занимался лавкой, над нею ютилось семейство хозяина; по возможности, клочок земли выделялся для дворика, но иногда его совсем не было, особенно в центральных, густо заселенных местах: здесь даже в лучших домах дворы были очень тесны.

Внутренних лестниц между этажами, для сбережения места, часто совсем не устраивалось; они прилеплялись снаружи, деревянные, узкие, жидкие; иногда даже из комнаты в комнату переходили по наружным галлерейкам. Окна прорубались маленькие, они оставались без стекол, закрывались ставнями, завешивались тканями, в лучших домах обтя-

---

ный альбом, изданный местною прекрасною фотографическою фирмою Алинари, заключающий сто снимков со старых рисунков, изображающих древнюю Флоренцию: «Cento vedute di Firenze antica (Fir. 1906).

гивались полотном: это уже считалось роскошью. Жилища были лишены печей; в главной комнате (у беднейших — единственной) по средине помещался очаг, дым выходил в окна или через отверстие в потолке. Камины с трубами стали заметно употребляться лишь с конца XIII века.

Упоминаются и совсем малые, низкие лачужки с одной только комнатой для самого бедного населения. Они рассеяны были по всему городу. Кроме таких домов бедняки могли находить кров где-нибудь за плату под крышей или вообще в грязных углах домов среднего типа. Такие жалкие обиталища, где их было много, придавали обстановке особенно неприглядный вид. Уличный фасад домов, обыкновенно, штукатурился и красился в светлые цвета, гладко, без украшений. Крыши выдавались вперед навесом: последняя особенность остается и теперь характерною для тосканского дома.

Лавки внизу открывались на улицу аркою или широкою дверью; над нею прикреплялась вывеска; впереди ставились скамьи, на которых раскладывались продукты (и нынешние итальянские торговцы умеют по старинному очень живописно устраивать такие выставки из фруктов, овощей и живности, не только из цветов). Над ними делались навесы (tettoie) для предохранения товара от солнца или дождя: их и теперь можно видеть в различных местах, сохранивших архаическую физиономию. Верхние этажи в таких домах средней руки строились выступами вперед (sporti), каменными (на полуарках) или деревянными (на балках), так что они нависали над улицею, еще более ее сдавливая и отнимая свет. Получалась ори-

гинальная картина полусвода над улицею с остающеюся узкою полосою неба над ним.

Практиковалось это, может быть, для защиты пешеходов от ненастья, как позже в некоторых городах вдоль целых улиц нижние этажи домов стали выводиться на улицу длинными крытыми портиками на арках: в Болонье это остается до сих пор. Может быть, тут имелись в виду экономические цели расширения площади верхних ярусов в домах. В наиболее старых из них, возможно, преследовались интересы вооруженной охраны: выступы являлись как бы бастионами; поэтому мы их встречаем и в более значительных, монументальных жилищах. Такой строительный прием вредил, конечно, гигиене улицы и ее красоте: оттого вместе с развитием в городах «полиции благоустройства», склонности к комфорту и эстетических вкусов, выступы стали мало по малу исчезать по настоянию коммунальных властей: они облагались сборами, запрещалась постройка новых, ремонт старых, предписывалось их разрушение [1]).

Когда возводились, поддерживались и обитались описанные «средние» дома, флорентийская улица, сама по себе, естественно, также открывала невеселое зрелище своим состоянием и царившими на ней порядками. В плане средневекового города, разраставшегося стихийно, не было, как уже замечено, никакой правильности: он представлял запутанную

---

[1]) Во Флоренции до сих пор сохраняется образец, крупный и выразительный, на площади церкви св. Креста; в средние века так строились дома с несколькими этажами во всех странах Западной Европы.

сеть мелких путей, в переплетении которых терялись или заграждались главные артерии. Движение задыхалось в тесноте, дома налезали друг на друга, затемняли улицу. Не было в достаточном числе площадей, освобождающих пространство; идущие и едущие сталкивались на загромождавшихся перекрестках. Улицы были плохо освещены и замощены крупными, неровными камнями; накоплялись кучи грязи от всего, что на них происходило, от выбрасываемых из домов нечистот; не было никакой канализации; вонючие воды из многочисленных мастерских текли ручьями по дороге, заражая воздух. Только всеочищающее действие итальянского солнца спасало город от постоянных эпидемий.

Те живописные картины старого западно-европейского города, которые так привлекают теперь внимание и вкус историка-художника, относятся к более поздним векам — XV (только отчасти XIV), XVI-ому. В интересующем нас раннем XIII веке Флоренция рисовалась гораздо грубее и беднее. Вспоминая родную старину, идеализирующая фантазия Данте называет Флоренцию предков «скромною и целомудренною» (sobria e pudica), противопоставляя ее образ роскоши и распутству его собственного времени. Но эти качества можно было понимать в применении к скудости обихода и простоте быта, не преувеличивая нравственного истолкования приведенных терминов: нравы конца XII и начала XIII веков, в которых жили обитатели описанных домов, не блистали чистотою и возвышенностью.

Впечатление такой общей картины мало смягчалось пока даже характером ж и л и щ з н а т н ы х (case signorili). Первоначально и они не были ни очень

обширны, ни роскошны. Строиться фамилии древних магнатов стремились непременно в пределах старого центра, то-есть, внутри римских стен. Там было тесно, негде было развернуться, но считалось почетным именно там владеть родовым обиталищем. Даже высшие классы не были тогда притязательны: чувствовалась надобность не столько в просторном, сколько в крепком, хорошо защищенном жилище. Данте прямо говорит, что отцы не любили устраивать таких фамильных домов, которые бы оставались пустыми. Даже при нем еще не было громадных частных дворцов (palazzi). В средине XIV в. богатейший Палла Строцци владел домом, состоявшим лишь из 12 комнат. Время полного расцвета частного дворцового строительства относится лишь к XV в., и они дали повод для развития роскошного архитектурного творчества.

Первые дома барского типа стали строиться уже в XII в., когда во Флоренции возрасло число переселявшихся в город, вольно или невольно, знатных, рыцарских семейств, а также разбогатели купеческие фамилии и прониклись чванством жить на благородный лад. Но самый тип древнейшей дворцовой архитектуры выработался лишь в XIV в. Барский дом того времени был также сжат по площади и вытянут вверх. Если он находился в центре, двор у него был маленький, если на окраинах, он раскидывался шире и при доме разбивался сад. Возводился такой дом на подвале со сводами и кроме нижней части (pian terreno = rez de chaussée) надстраивались два, а то и три этажа. «Дворец» тянулся к «башне».

В подвальных помещениях находились погреба с вином, маслом и другими запасами и имуществом. Весь дом, обычно, располагался вокруг квадратного двора, в который вели с улицы одни крепко запиравшиеся ворота. В нижнем ярусе под бегущим по всем четырем сторонам крытым на арках портиком (это—воспоминание об атрии, главном зерне древнеримского дома) располагались службы—конюшни, мастерские, склады, помещения для челяди. Этот нижний этаж строился особенно высокий, и окон на улицу для безопасности в нем не пробивалось: он смотрел, так сказать, весь во двор; запертые крепкими засовами ворота отделяли знатный дом от внешнего мира; с других же сторон его защищали толстые боковые и задние стены.

В следующем этаже располагалось самое барское обиталище: по главному фасаду тянулась большая парадная зала (sala prima, madornale), занимая часто всю длину основной, уличной части дома. В ней собиралась семья хозяина в важные обрядовые моменты домашней жизни; здесь же происходили празднества, пиры и приемы. Это — как бы торжественный центр дома. Кругом располагались другие парадные покои (camere, anticamere), гостиные (saloni), деловой «кабинет» господина (scrittoio), домовая молельня (capella), иногда тут же, иногда выше, оружейная зала (sala d'armi), иногда столовая и в таком случае, поблизости, хозяйская кухня.

Второй и третий этажи планировались так же: в центре—зала, кругом различные жилые и деловые комнаты. Иногда дворец распадался на несколько обиталищ для отдельных семейств, выросших из одного

корня: фамилия стремилась оставаться объединенною. Внешний вид такого древнего дворца сохранял суровый характер. Фасад выводился, в большинстве случаев, голый, почти без всякого архитектурного и скульптурного убора. Знатные дома придавали картине улицы своими массами, пожалуй, даже большую угрюмость. По монументальным дворцам XIV века, немногим сохранившимся, нельзя судить о тех, какие имеются в виду здесь, их отцах: последние представляли лишь остов таких сынов, строгих, но уже полных величественной красоты, подобных, например, огромному palazzo Spini, возвышающемуся до сих пор, хотя и в перестроенном виде, на берегу Арно у моста троицы, или еще более древнему palazzo Tosinghi на Старом Рынке.

Внутреннее убранство жилищ магнатов начала XIII в. точно восстановлено быть не может: не осталось почти памятников. Оно, конечно, зависело от богатства, характера и вкуса хозяев; но в общем художественность быта еще только подготовлялась. Однако, уже думали о некотором украшении жилища. В парадных залах устраивались резные потолки из красивого дерева со скульптурами, стены покрывались стуком или начинали расписываться фресками, появлялись статуи, мраморные алтари-киоты с иконами, вазы и богатая посуда. Но бьющей в глаза роскоши еще не замечалось: меблировка была умеренная, комнаты на нас произвели бы впечатление пустоты. Каменные полы с мозаиками не покрывались коврами; столы, кресла, табуреты, шкапы с драгоценными одеждами или утварью, поставцы с посудою, длинные скамьи-диваны, покрытые подушками и одевае-

мые пестрыми тканями, все это — употреблялось в скромном количестве, сколько нужно, без излишеств. Не всегда держалась в таких знатных жилищах нераздельно связываемая в нашем воображении с образом состоятельности и комфорта чистота. Богатство носило еще грузный, тяжелый характер. Поднимались лишь первые всходы будущих изящных вкусов вместе с развитием искусства и художественного ремесла, которые уже в конце века достигнут значительной высоты.

Знатные фамилии в ту эпоху соединялись между собою в большие родственные союзы, называвшиеся консортериями. То было характерное для феодальных порядков возрождение квази-родового быта. Родичи сплачивались, чтобы чувствовать себя сильнее среди ежедневных опасностей неустоявшейся, бурно клокотавшей жизни. Они стремились скучивать в одно место свои жилища, строили свои дома рядом, или покупали бок о бок, так-что все вместе они образовывали часто могучий фамильный остров, целый квартал, так и именовавшийся по их родовому прозванию.

В описываемую грозную эпоху, полную войн и внутренних смут, каждое единичное обиталище знатной семьи носило характер защитного замка, с неразрушимыми стенами и зубчатым верхом (merlati); все же дома консортерии сливались в обширную родовую крепость, объединявшуюся центральною башнею (torre gentilizia) в внушительно-сильный комплекс. Все дома отдельных семей имели между собою внутреннее сообщение; если они располагались по обеим сторонам улицы, то через нее перебрасывались крытые галлереи-мосты, так-что все

связанное общими интересами кровное целое могло выдержать настоящую осаду.

Такие фамильные башни являлись палладиумом (опорою) могущества союзов знати (последние поэтому назывались также «башенными сообществами»: società delle torri). Они составляли нечто вроде государств в государстве. Во Флоренции в XIII в. поднимали вверх свои суровые головы до 150 подобных твердынь, из которых некоторые достигали 120 локтей высоты. Это — выразительный символ кроваво-воинствующего века и большого могущества в городе вооруженной рыцарской знати.

Поднимавшиеся богатством и значением группы крупных промышленников и купцов стремились строиться и жить по образцу магнатов, естественно являясь их противниками на путях приобретения в городе значения и власти. Так сталкивались внутри ограды Флоренции две враждебные социальные силы. Та, которая сумеет сплотиться в дружно действующее коллективное целое, восторжествует в борьбе. В начале XIII века могущество держится еще в руках рыцарства (nobiltá cavalleresca); но рядом с ним уже растут и крепнут представители движимого капитала, организаторы широкого ремесленного производства, высшего торга и банкирского дела, и они грозят знатным опасною политическою конкуренцией.

Они также соединяются в ассоциации-цехи (arti), общества взаимопомощи и самоуправления людей однородных производительных профессий. Самыми старшими из них были следующие семь: пять чисто торгово-промышленных — 1) выделыватели тонких сукон: по названию улицы, где они главным обра-

зом селились, они именовались «Калималою» (calimala); 2) шерстяные ткачи (lanaioli); 3) шелкоделы (setaioli: они еще назывались по улице, на которой сидели, «цехом у ворот св. Марии»); 4) банкиры (cambiatori — менялы); 5) меховщики (peliciai e vaiai); затем две, так сказать, ученые корпорации — 6) юристы и нотариусы (giudici e notai); 7) врачи и аптекари (medici e speziali). Все семь «arti» образовали между собою общий союз, добивались права занимать консульские места и выдвинули в конституции города учреждение особого высшего сановника — «подесты» (podestá), выбиравшегося из иностранцев, знатных, но чуждых (так думалось) местных пристрастий, — долженствовавшего чинить суд и расправу и соблюдать справедливость между знатными и не знатными гражданами. Активными, полноправными членами этих корпораций были только мастера-предприниматели; рабочие занимали в цехах подчиненное положение в качестве как бы вечных «учеников»; лишь редко поднимались они до звания «подмастерьев» и только в виде исключения пробивались в самостоятельные «мастера».

3.

Каждый знатный дом в городе Флоренции являлся, мы сказали, очагом и местопребыванием для большой и крепкой семьи. Семейная группа была тогда важным органом социального устроения. Она составляла деятельную ячейку, часто разраставшуюся в внушительный комплекс сожительствующих родичей, пребывающих под общим кровом, подчиняясь власти общего отца, который и правил ими, как родовла-

дыка. Он — устроитель жизни, он же — полный распорядитель фамильным имуществом, он и судья над всеми, великими и малыми членами дома, мужчинами и женщинами. С ним обитают очень часто и поженившиеся сыновья с потомством, иногда и боковые родственники; находят приют в том же доме приладившиеся к опеке его господина бездомовные бедняки, облагодетельствованные, как в древности говорилось, «клиенты». Дом обслуживается многочисленною расчлененною по специальностям челядью. Такой дом — полная чаша, организованное общество с большими правами, предоставлявшимися ему по законам и обычаям коммуны. К нему часто должно было обращаться и считаться с ним город-государство.

Кроме того внутри дома вырабатывалось из поколения в поколение нечто вроде «устава» данной семьи, своего «статута», поддерживавшегося растущею традициею; верность ему была делом семейной «чести». Предание хранилось памятью в устной передаче, иногда записывалось своими грамотеями в «семейных хрониках». Внешним выражением единства группы являлся г е р б, символические фигуры которого (все горделивые образы — львы и орлы, мечи и шлемы, солнце, месяц и звезды) знаменовали вдохновлявшие членов ее девизы и воплощавшие славные ее подвиги. Герб вообще был любимым знаком объединения в итальянских городах: свой герб (даже несколько на разные стороны жизни) имела и коммуна [1]); гербами обзавелись не одни знатные фа-

[1]) Первоначальным гербом Флоренции была стилизованная лилия или ирис (очень распространенный тогда в ее окрестности цветок) белого цвета на фоне красного щита.

милии, но и торговые и промышленные корпорации; вся Флоренция пестрела гербами. Хранить незапятнанность герба было долгом и путем славы.

Рядом с таким высоким положением в семье отца, ее главы, которому должны были подчиняться и взрослые сыновья, особенно в деле управления и использования семейного имущества, положение в ней женщины было довольно зависимо; даже жена, мать семейства, находилась всецело под властью мужа, была обязана ему покорностью в домашней жизни, свои права перед обществом могла защищать только через него. При непобежденной еще грубости нравов, женщина подвергалась в доме нередко унижениям, даже насилиям, во всяком случае, произволу. Она приносила в дом мужа приданое; к нему присоединялся мужнин подарок на следующее утро после брака (morgincap, по лангобардскому праву, примешавшемуся к римскому), как бы в виде награды или выкупа за девство; но и этою своею собственностью она могла распоряжаться лишь под контролем мужа.

Такая подчиненность женщины в семье поддерживалась долго и при изменении нравов; традиция охраняется и во времена ренессанса. Она оригинально подчеркивается, — хотя, конечно, в смягченном и облагороженном виде, любопытным памятником первой половины XV в. именно трактатом знаменитого архитектора и теоретика искусства Леоне Баттиста Альберти, его рассуждением «о семье» (crattato del governo della famiglia), настоящим флорентийским «Домостроем» той эпохи.

Автор говорит от имени некоего отца семейства, поучающего своих сыновей, как прочно утвердить

благоденствие в доме. Для этого нужна хорошая, добродетельная жена, и такая добродетель выражается для нее главным образом в послушании хозяину-супругу. Она станет такою, если ее тщательно воспитать. Про свою жену он рассказывает: «Уже от матери своей она научилась прясть, шить и повиноваться; я же сделал из нее хорошо понимающую свое дело домоправительницу. Послушайте-ка! Вскоре после свадьбы я взял ее за руку, показал ей свой дом, со всем скарбом, утварью и драгоценностями и поручил его ее попечениям. При этом я сказал ей следующее: Будем хранить свое добро, как часовые, бодрствующие на стенах города. Если я упущу что из вида, предостереги меня, и я так же буду поступать по отношению к тебе; так будем мы помогать друг другу в любви и заботе. Преклонив колена у домашнего алтаря, молили мы бога о согласном сожительстве, общем довольстве в нашей семье и о даровании нам многочисленного потомства. Для меня просили мы дружбы и славы среди людей, для нее — чести и хозяйственности в доме».

Мягкий законодатель семейного благоустройства, Альберти, стремится господствовать в семье так, чтобы это не было заметно жене, властвовать как бы невидимою рукою. На вопрос, ссорились ли они когда-нибудь друг с другом, он твердо отвечает: «Никогда! Смешны те мужья, которые бранятся и наказывают, или суют свой нос во все мелочи домоводства. Они должны принадлежать обществу, и им приходится значительную часть жизни проводить вне дома. Я только твердо внушал жене руководящие указания и умел добиваться того, что она постоянно

и охотно следовала им. Правда, у нее иногда проявлялась склонность к шалостям, например, предосудительное пристрастие к румянам; но я от этого отучил ее, и только в Иванов день, когда к нам собирались все родные, она появлялась среди них расфранченная с белилами и румянами на лице ко всеобщему удовольствию. Без сомнения, женщинам приятнее, чтобы ими руководили с любовью и добротою, чем с жестокостью или строгостью, и они легко слушаются тех, кто научился быть мужчиною. Хороший пример, твердый авторитет — это главное в воспитании жены, как и детей, также подчиненных и прислуги».

Последнее сочетание особенно характерно. Конечно, и в этом назидании XV в. многое представляет идеализацию теоретика-моралиста с налетом литературного сентиментализма. На деле, вероятно, и тогда над супругою и матерью семейства тяготела более суровая ферула мужа, господина и хозяина. В XIII же, очевидно, гораздо сильнее и чаще выступали окрики, грубое обращение, подчас, может быть, и побои. Долго повторялась из уст в уста поговорка, воплощавшая мудрость отцов: «хорошая женщина и худая женщина обе нуждаются в палке»; а главною добродетелью ее считалась немая покорность. Жена больше всего по шаблону рассматривалась, как экономка, ведавшая домохозяйством. Главное дело ее было оберегать имущество, содействовать его накоплению, препятствовать расхищению и легкомысленным растратам. Целость и единство семейной казны — в этом крылся незыблемый идеал, опора силы кровного союза, который должен был множиться и богатеть. В этом видели благословение божие.

Но при таком порядке по закону и обычно, в действительной жизни женщина-супруга и мать являлась в знатном доме все же почтенной и значительной фигурой. Ее называли госпожею, madonna, словом, с которым обращались к богоматери. В отсутствии мужа из дома или из города, она оказывалась главою, и рядом с ним, если обладала умом и характером, играла влиятельную роль. После же его смерти вдовствующая мать семейства нередко становилась руководительницею домашнего очага. На это имеются в флорентийской хронике многочисленные примеры. Бывали, конечно, «мадонны» очень легкомысленные, даже распутные, которых не удавалось обуздать и строгой руке супружеской власти, но, полагаем, рассказы новеллистов о женских пороках часто рисуют преувеличенные картины, подсказанные скорее желанием дать занимательное, наперцованное чтение, чем точно изобразить истину и обличить реальное зло.

Так, флорентийская семья, особенно знатный дом или целая «консортерия» представляла могущественный, внутренно законченный организм, крепкий союз. Но он не жил замкнутою жизнью, а вмешивался многообразно в общественную. Главари больших, видных семейств являлись членами коммунальных учреждений или торговых организаций: вместе с развитием новых форм крупного хозяйства и знатные не гнушались участвовать в доходных промышленных предприятиях и в денежном торге, хотя бы в скрытой форме через подставных людей. Все это выводило их из глубины дома в город, на улицу, в присутственные места, на рынки, в торжественные собрания и празднества. Все это устанавливало различные внедомашние отношения,

вырабатывало формы довольно широкого общения между домами, постоянные встречи, вызывало необходимость представительства, гостеприимства, взаимных посещений и приглашений, светские нравы, салонные привычки, в изобретении которых итальянская аристократия обнаружила большое мастерство.

Эта сторона жизни, взаимное общение между членами семейств высших классов общества, как важное и заметное явление быта, находит интересное отражение в самой архитектуре барских домов и даже общественных зданий в Италии и специально во Флоренции: в ней все особенности развивавшейся культуры нашли яркое воплощение. Здесь имеются в виду столь характерные для пейзажа улицы итальянского старого города, совсем неотъемлемые от него — лоджи (loggie).

Лоджа — это портик, это также терраса или, по нашему, балкон. Кто бывал в городах Италии, тот ясно представляет, как много дают эти лоджи для наглядного понимания бытового прошлого страны. Их было два главных вида: во-первых, лоджи-дворы, крытые галлереи на арках и колоннах внутри дворов, по всем их сторонам; они всегда находятся в правительственных и частных дворцах, в монастырях, даже в домах попроще; во-вторых, именно лоджи-балконы, также официальные и частные. Официальные возводились, как особые здания, по соседству с ратушами, на общественных площадях. Такова знаменитая loggia dei lanzi во Флоренции, великолепное произведение раннего ренессанса, в которой дежурили копьеносцы для безопасности правительства, заседавшего рядом в palazzo Vecchio, а позже сами

правители — signori являли себя там народу в торжественные дни; там же они принимали публично, на виду всех, в праздничных нарядах иностранных послов. Такова же в Сьене loggia dei Nobili, также публичное правительственное место. Такие же лоджи-портики устраивались в рынках (например, во Флоренции в Mercato Nuovo), чтобы под сводами их заключать торговые сделки и договоры. Общественные склады и цеховые дома также снабжались подобными лоджами.

Лоджи-дворы, выше уже замечалось, можно назвать потомками «атрия» — центра римского дома, первого внутреннего двора, похожего на залу. Второй род — лоджи-балконы — были новым созданием средневековой итальянской архитектуры. Открытыми террасами устраивались иногда плоские крыши наиболее значительных, барских домов. Может быть, первоначально тут также имелась в виду защита: оттуда могли осыпаться копьями, камнями, стрелами, обливаться кипятком нападавшие снизу враги. Позже они стали местами отдохновения на солнышке (они так иногда и назывались — solaria). Для большего удобства лоджи стали спускаться ниже, делались как бы в виде больших вырезов в верхнем этаже дома под общею его крышею, в безопасности от дождя и непогоды. Оттуда часто открываются чудные виды, как, например, в Старом Дворце (то-есть, коммунальной думе) во Флоренции, или в одном из старейших там частных дворцов---palazzo Davanzati.

Далее лоджи все больше спускались вниз по фасаду дворца, строились даже прямо над землею, иногда выдвигались перед стеною дома, становясь все более легкими по стилю. Распространение их, выступающих

прямо на улицу, свидетельствовало об укрощении нравов, ослаблении вооруженных смут. Это был один из архитектурных путей смягчения феодальной обстановки, воинственного средневековья; так вносилась в формы построек черточка фантастического своеобразия, вместе с тем приближая их к стройным сочетаниям античного зодчества. Лоджа — это изящная и радостная принадлежность, нераздельная с пейзажем итальянского города, струя мира, вносимая в атмосферу войны.

Парадные лоджи в частных дворцах служили для семейных сборов и празднеств, в которых знатные фамилии выставляли свое богатство в одеждах и утвари, удовлетворяя на глазах у всех аристократической спеси. Там же находили место и обычные фамильные собрания, чтобы на других посмотреть и себя показать, а также обделать серьезные дела и еще принять сонм гостей, предаться развлечениям в часы праздности. Уже упомянутый Леоне Баттиста Альберти учит в своем трактате об архитектуре: «Очень украсятся перекрестки или площади города, если у домов будут устроены портики, под которыми станут собираться отцы, чтобы, укрывшись от зноя, рассуждать о делах. Прибавлю, что и молодежь будет там менее распущена в своих играх, благодаря присутствию старших». Все вместе, но в порядке и благопристойности. Эти лоджи как бы расширяли пределы дворцов; происходившие под ними блестящие сцены возбуждали в хозяевах горделивое самочувствие: под арками и сводами их мог разместиться весь состав размножившейся семьи, выросшего «линьяжа».

Знатные семьи во Флоренции стремились, строя большие дворцы, обзаводиться и просторными лоджами.

В источниках XIII в. упоминается их больше двух десятков, в XIV веке еще больше, и все они носят фамильные имена владельцев домов, к которым лоджи принадлежали. Так, у фамилии Аголанти была блестящая лоджа на углу двух улиц, около старого рынка. Там собирались многочисленные богатые родичи, подготовлялись брачные союзы. Самое место получило прозвище «родственного угла» (canto del parentado), и передавалась из уст в уста поговорка, что в этом углу никогда не заключались невыгодные или неравные браки. Про богатейшего гражданина флорентийского Джованни ди Паоло Ручеллаи расказывали, что он в один и тот же день под аркадами своей лоджи помолвил трех своих дочерей за лучших женихов в городе. В лодже одной из первых флорентийских фамилий Элисеи находили убежище под могущественною рукою сильных господ-покровителей даже преследуемые судом, если те хотели им оказать защиту, не подчиняясь властям коммуны. В лоджах происходили пиры, собравшиеся проводили время в играх, например, в шахматы, позже (с XIV в.) в карты... Вообще они являлись сценою особенных, характерных актов светского общения между высшими классами общества, своеобразных форм полууличной, полудомашней жизни.

Флорентинцы, богатые и знатные, да и не только они, вообще любили пребывать на людях, и важное место в жизни города занимали разнообразные, пышные и характерные празднества. Они, естественно, соединялись с особо освященными днями христианского культа, но составляли рядом с официальными церковными церемониями любопытные приростки, отчасти с языческими пережитками, к чистому рели-

гиозному благочестию. Три великие годовые праздника — рождество, пасха и троица — справлялись, конечно, особо торжественными богослужениями в церквах, затем играми, песнями, плясками и состязаниями на площадях, пиршествами дома, в которых рачительные хозяева отказывались, в виду исключительного дня от привычной бережливости. В троицын день освящались и раздавались значки и знамена военным частям и назначались командиры городских милиций. Шестого января происходило оригинальное празднование, которое именовалось Бефана [1]). Делались куклы из разноцветных тряпок и накануне этого дня их носили по улицам при свете факелов и восковых свеч. Потом их размещали по окнам домов и пускали в них с улицы стрелы. Тут явно сохраняется прилепившееся к этому дню воспоминание о каком-то языческом обряде с забытым смыслом. В тот же день инсценировалось в процессии поклонение волхвов.

Совсем светским праздеством являлось чествование весны первого мая. Весь город выливался на улицу; на площадях расставлялись столы для снеди, пили и вкушали, музицировали (оркестровое искусство, впрочем, находилось тогда еще в зародыше, скорее отдельные инструменты аккомпанировали пению); распевались особые гимны весне и веселые песнопения (маевки — maggiolate), поклонники украшали двери своих милых майскими ветвями (maio), повязанными ленточками и золочеными бантами; устраивались шествия юношей, увенчанных цветами, с самым красивым из них (по общему признанию) во главе; последний

[1]) Это — испорченное слово Епифания — богоявление.

принимал звание бога любви (amore). Было оживленно и радостно; но случалось, что возбуждение и винные пары обостряли какие-нибудь уже тлевшие внутри недовольства и раздражения, выступали наружу соперничества или вспыхивала новая вражда, — и увеселения превращались в свалки. Все ходили вооруженные и легко хватались за мечи: цветы и зелень, светлые одежды обагрялись кровью. Это разжигало ненависти, сеяло смуты среди неустоявшегося еще строя, полного внутренних противоречий, еще похожего на полурасплавленное состояние. У флорентийских хроникеров и писателей возрождения есть ряд живых описаний майских праздников, банкетов и уличных балов. Майские песни составляют специальный отдел в памятниках всех народных литератур, и обычай праздника весны идет еще от классической древности.

Среди всех праздников, которые очень любили флорентийцы, наибольшею популярностью пользовался и справлялся с особенным блеском и увлечением выше упомянутый Иванов день (24 июня). Чествование Иоанна крестителя летом получило вообще широчайшее распространение по всей Европе от Финляндии до Италии, и обычай держится до сих пор в странах различных вероисповеданий. Но в старой Флоренции день этот славился больше, чем в других местах: то был как бы престольный праздник для всего города во имя главного его святого, высокого покровителя города; флорентийское епископство называлось «кафедрою святого Иоанна и св. Репараты» (по патронам баптистерия и собора), и день памяти Иоанна отмечался как один из замечательнейших дней в году.

Приготовления к празднику начинались за две недели. Весь город наполнялся движением; собирались отовсюду красивые декоративные материи, чтобы украсить город и людей, лицедействующих в имеющих быть представленными похвальных пьесах - «триумфах». Все существующие корпорации, сословные, военные, профессиональные, религиозные, организовывали каждая свои особые развлечения. Коммунальные советы ассигновывали специальные средства на закупку свечей для возжигания их в роскошном изобилии на главном алтаре в баптистерии. Шились на выданные деньги блистательные одежды для актеров и коммунальных шутов. Также на общественный счет готовилась огромная ткань лазоревого цвета с золотыми лилиями, которая натягивалась, как общая сень (velum), над всею площадью Иоанна. Накануне праздника купцы выставляли перед своими лавками лучшие товары — дорогие мануфактуры, шелки, тонкие сукна, полотна, ювелирные предметы и другие украшения. В день торжества сам епископ выезжал верхом во главе бесконечной процессии; совершалось богослужение, полное благолепия; но скоро веселость, часто несдержанная, нарушала молитвенное благоговение. Виллани подробно описал все развлечения, происходившие в Иванов день 1283 года: трудно сказать, чего в них не было для удовлетворения всевозможных чувств и удовольствий, для самых разнообразных требований и вкусов от грубой простоты до изящной утонченности.

Особые празднества связывались с воспоминаниями о замечательных событиях в истории города. Любопытно указать, что с днем памяти Репараты (8 октя-

бря), которой посвящен был старый городской собор именно потому, что молитвам этой кессарийской мученицы, гласила благочестивая легенда, спасена была Флоренция от варварского разгрома в 404 году, — связаны были конские бега (pallio): они совершались во славу заступницы много долгих веков после самого подразумеваемого и чествуемого факта. Тут опять причудливое смешение христианского образа с языческим обычаем.

Другое интересное торжество связано своим происхождением с эпохою крестовых походов. Флорентийская хроника повествует, что жители города, по увещанию своего епископа Раньери, истолкователя желаний папы Урбана II и маркизы Матильды, послали отряд из своих граждан для освобождения гроба господня в первый крестовый поход (1096 г.). Во главе его стоял храбрый рыцарь Паццино деи Пацци. При взятии Иерусалима крестоносцами он, будто бы, первый водрузил на стенах города христианское знамя. В награду за это он получил от Годфруа Бульонского гербовую корону со стенными зубцами и разрешение заменить свой прежний герб знаками пяти крестов и двух дельфинов. При возвращении на родину он был с небывалым почетом принят народом флорентийским, духовенством и правительством, как в римском прошлом встречался триумфатор. Он вступил в город на золоченой колеснице, на которой изображены были красками его славные подвиги в святой земле. Он ехал под звуки труб, приветствуемый кликами восторга наэлектризованной толпы. Паццино привез с собою три обломка камня от святого гроба. Почитаемые реликвии эти много лет благоговейно

сохранялись в доме самой фамилии Пацци [1]), а впоследствии перенесены были в церковь Апостолов. Для патриотического прославления этого события учреждена была своеобразная церемония.

Утром в страстную субботу высекался сталью огонь от одного из указанных палестинских камней для того, чтобы вновь возжечь им свечи, погашенные накануне во время всенощной с плачем Иеремии в великую пятницу (служба эта называлась tenebrae, потому что она оканчивалась во мраке). От него загорались также огни фейерверка, который располагался на особой торжественной колеснице в тот момент, когда прелат, совершавший мессу в баптистерии Иоанна, возглашал— «осанна в вышних». После того сопровождаемая процессиею колесница направлялась к дому фамилии Пацци, и там выпускались новые огни в знак радости и благочестивого воспоминания. С некоторыми изменениями церемония повторялась до наших дней под названием «праздника коломбины». Именно в страстную же субботу ровно в полдень искусственный голубь с ракетою пускается вдоль веревки, протянутой от главного алтаря в соборе к колеснице, становящейся посредине площадки между храмом и баптистерием. Эта «коломбина» зажигает огни фейерверка, приготовленные на колеснице. Если она бежит прямо и выполняет свое назначение сразу и благополучно, собравшиеся на празднество сельские люди выводят из этого предзнаменование доброго урожая и довольные возвращаются по

[1]) Целая группа домов этой фамилии расположена была рядом в восточной части города сейчас же за римскою стеною на длинной улице, идущей ко второй ограде. Место их ясно помнится преданием до сих пор.

домам. Потом в колесницу впрягаются четыре разукрашенные быка, и она попрежнему движется к дому Пацци, где сжигаются последние фейерверки.

Для дополнения собранного здесь букета флорентийских праздников, ценко держащихся по воспоминаниям старины, упомянем еще об одном религиозном и историческом обряде, который также до последних лет совершался в старейшем флорентийском монастыре — Бадия, в день Фомы, 21 декабря. В этот день умер в 1001 году маркиз тосканский Уго, верховный владыка Флоренции, и похоронен в церкви этого монастыря. Он признается традицией «благодетелем Флоренции», и в день поминовения у сохранившегося его саркофага, над которым впоследствии сооружен был роскошный монумент работы Мино да-Фьезоле, совершается пышная церемония. На заре одного из самых коротких дней в году печально и величественно звучит орган, и мерцание светильников, столпившихся вокруг мраморного памятника, борется с первыми слабыми лучами рассвета. У алтаря поют панихиду (requiem) по давно усопшему, у гроба возглашают ему за упокой. Перед гробницею воздвигается изображение рыцаря с опущенным забралом, с мечом в одной руке, со скипетром в другой. Трудно найти где бы то ни было такое торжественное поминовение в начале XX века владетельного князя, жившего десять столетий тому назад. Очень интересно, в самом деле, наблюдать город, в котором так живучи бытовые формы, выработавшиеся много веков тому назад. Это сильно облегчает историку возможность чувствовать в настоящем следы далекой старины. Потому-то полезно было

всмотреться в типичные праздничные обряды, которые, пережив века, переносят нас во времена, когда они сложились, и рассказывают нам о тех понятиях и верованиях, какие тогда одушевляли население, и о способах, какие их фантазия и эмоции находили для их воплощения.

Флорентинцы любили общаться друг с другом и просто толкаться в толпе: так происходило знакомство друг с другом различных групп, встречи между людьми различного звания. Праздники привлекали не только людей, живших в довольстве, но являлись и общенародными собраниями и развлечениями; так они получали, до известной степени, демократическое обличье. Но и в будни жители «цветущего города» не оставались заперты в своих домах или мастерских. Ремесленники часто работали на улице, на глазах у всех: до сих пор в городах Италии можно видеть такие же сцены. Им нравилось посещать харчевни, просто толпиться, где много народа, поболтать, собрать новости на бойких местах.

Пунктом, где особенно кипела жизнь, был Старый Рынок (Mercato Vecchio) — в самом центре древнейшего города. Тут продавали на открытых лотках и стойках всякую всячину для ежедневного общего потребления, преимущественно, предметы продовольствия — яйца, овощи, фрукты, но также цветы. Тут смешивались всевозможные продукты, торговались покупатели и продавцы, толпились праздношатающиеся и ищущие работы, хлеба и наживы, взрослые, обделывающие свои дела, и играющие дети, люди и животные, лошади, ослы и мулы, — пестрая, снующая и толкающаяся, громко кричащая, иногда ссорящаяся и деру-

щаяся масса. Все это переполняло довольно тесную квадратную площадь, служившую сценою и рамою для такого ежедневного наружно-беспорядочного, по существу нужного для жизни общения.

Старый рынок был действительно центр. Там не очень было чисто и уютно жить, но все туда спешили. На каждом углу его возвышалась церковь. На площади обитали или около нее пристраивались не одни мелкие торговцы; она окружена была домами самых старых крупных фамилий — Перли, Арригуччи, Альи, Капонсакки, Торнакуничи, Медичи, Аголанти, Каччагуида (предков Данте) и других. Дворцы Тосинги и Солданьери считались самыми замечательными частными зданиями старейшей Флоренции. Тут же у одного из углов находилась знаменитая открытая часовня (tabernacolo) с всеобще почитаемою иконою богоматери. Около нее знаменитый проповедник «Петр-мученик» все с верою передавали друг другу, прогонял бесов. Цех аптекарей взял на себя обязанность ежедневно служить здесь обедню на алтаре, и существовал жуткий обычай, что приговоренные к смерти совершали у подножья его последнюю молитву. Удивительная смесь дела и безделья, богатства и бедности, договора и насилия, труда и крови, верований и суеверий, невсегда мирное состояние противоположных стихий; но как наглядно воспроизводится здесь картина былой жизни города в ее разнообразных красках.

Более крупные денежные сделки на большие капиталы совершались тут же по соседству, ближе к реке «у ворот девы Марии», под лоджами «Нового Рынка». Он основался и отстроился здесь уже в XI веке. Тут же кругом расположились цеховые дома,

склады и лавки самых богатых ассоциаций — калималы (тонких суконщиков), ткачей из шерсти (крупных предпринимателей), шелкоделов, столы и конторы банкиров. Здесь росли (иногда и разорялись) большие состояния; завязывались отношения не только с торговцами из других городов Италии, но и с чужими странами. Сюда появлялись прибывавшие предприимчивые иностранцы, собирались ве́сти со всех концов света, передававшиеся на разных языках. Это было место встречи больших денежных дельцов, зарождения международного обмена. Флоренция становилась важным европейским центром притяжения для запада и востока, да и сами флорентийцы с целями обогащения начинали путешествовать по миру, проникая и в отдаленные части Азии. Флоренция вступала в соперничество с Венециею, царицею морей. Вслед за купцами, рядом с ними отправлялись в далекие края и жаждавшие знаний испытатели земли, будущие первые географы.

Может быть под влиянием таких сношений с отдаленными странами востока и юга возникал у флорентийцев интерес к произведениям, оттуда идущим специально к экзотическим животным. Особенно любили они львов, и город всегда содержал их целый зверинец. Расположен он был в центре города недалеко от того места, где впоследствии возник правительственный дворец (там до сих пор одна улица называется «улицею львов»). Эти царственные звери рассматривались, как эмблема могущества; кроме того львами как-то пользовались при устройстве публичных зрелищ. Флорентийцы питали ко львам почти суеверное почитание. Если смерть постигала хотя бы

одного из них, это волновало умы, считалось плохим предзнаменованием; коммунальные власти тогда стремились, как можно скорее, приобрести нового, сколько бы это ни стоило. Наоборот, если в зверинце рождался львенок, все радовались и праздновали событие, как счастливый знак. На содержание львов тратились большие деньги. Главный хранитель зверинца выбирался из почтенных людей и пользовался особыми преимуществами. По причудливому обычаю он должен был носить усы и длинную бороду в то время, как мода требовала, чтобы члены «хорошего общества» сбривали на лице всю растительность. Это придавало ему зловещий вид, и мальчишки при встрече с ним разбегались, страшась его, как опасного чудища. Лев, как благороднейший из зверей, мало-по-малу признан был символическим воплощением коммуны, и каменное изваяние сидящего льва, получившее наименование — il marzocco (вероятно, в связи с именем бога Марса) выставлялось в публичных местах, в особенности у входа в судилища, ибо лев также служил олицетворением правосудия.

Трезвость ума и любовь к наживе были характерны в активных флорентийцах. Но с этими реалистическими свойствами сочетались, облагораживая их, вступая в борьбу с их преобладанием, иногда торжествуя, создавая высокие типы человеческого одушевления, — любовь к знанию, художественное чутье и вкус. Флоренция в глубоком средневековьи была одним из наиболее просвещенных городов Италии. Там всегда, непрерывно от римских времен жили и действовали школы «семи свободных наук», сначала классические, потом христианизованные, но с остаю-

щимся сильным влиянием древних традиций. В самые глухие времена варваризации общества Флоренция оставалась центром известного образования; ее называли самым просвещенным городом северной Италии.

Там были школы, устраивавшиеся епископом при его дворце, были и монастырские, особенно славились те, что действовали с XIII века в обителях францисканского и доминиканского орденов. Они носили церковный характер, но и в них культивировалась литература и философия. Позднее, освободившаяся коммуна учреждала свои особые школы, и в них врывалась светская струя в рамки преподававшегося издавна курса — низшего, филологического, тривия (трех наук) — грамматики (и литературы), риторики (теории слова и речи) диалектики (логики и философии), — и высшего, реального, квадривия (четырех наук) — арифметики, геометрии (с физикой), астрономии (космологии) и музыки [1]).

Во Флоренции не сложился еще университет, как в Болонья, где он уже приобрел известность, но научное преподавание развивалось там в улучшенных общих школах и специально в частных ученых кружках. Учитель Данте Брунетто Латини, уже процветавший в средине XIII в., был законченным ученым энциклопедистом. Он приобрел европейскую знаменитость, и около него создавалась атмосфера острого интереса к знаниям, к интеллектуальной жизни во-

[1]) Для подробного знакомства с явлениями и картинами средневековой жизни и культуры очень полезно читать «Книгу для чтения по истории средних веков», составленную группою ученых под редакциею проф. П. Г. Виноградова (4 выпуска, Москва, несколько изданий).

обще. Еще раньше его, в самом начале XIII века флорентиец, «магистр» Буонкомпаньо славился не в одной Флоренции своим «красноречием», а это в те времена значило — своею филологическою и философскою эрудициею. Изумительная по духовному величию фигура самого Данте, истинного сына Флоренции, славного не только поэтическим гением, но и для той эпохи всеобъемлющею ученостью, доказует и свидетельствует, как внутри бурной воинственности в жизни города и жадного соперничества из-за наживы, богатства и власти подготовлялись высшие интересы духовной культуры грядущего ренессанса.

Еще одно надобно отметить для характеристики «нации флорентийцев»: это — рано развившуюся в них любовь к поэзии и могучую стихию поэтического творчества. То время, которое занимает нас теперь, было эпохою перехода от господства латинского языка, как органа литературы и письменных сношений, к рождению новых языков в прозе и поэзии, в лирике образованных классов и в народной песне. Раньше всего расцвела новая поэзия в кружках воодушевленных трубадуров при княжеских дворах французского юга (Прованса). Они на новом, ими литературно создаваемом, провансальском языке в звучных стихах пели радость и горе, подвиги героизма, славили любовь, преклонялись перед красотою. Росскошные хоры даровитых певцов раздавались из замков и городов южной Франции, уже в XII веке, и они заражали другие страны своим энтузиазмом, распространяли и там сюжеты и формы своей поэзии: первые захватывали мало-по-малу разнообразные об-

ласти жизни духа, вторые все более раскрывали свое богатство.

Поэзия провансальских трубадуров проникла в Сицилию и в северную Италию. Крестовые походы соединили в общем широком действии разрозненные страны, возобновлялось постоянное общение из края в край, и поэзия на могучих свободных крыльях разносила свою новую музыку по свету, познавая душу человеческую, находя новые краски для ее изображения. Напевы провансальцев и их переработки, порождавшиеся национальным гением Италии, обвевали Тоскану со всех сторон, и Флоренция мало-по-малу сделалась там одним из главных центров творчества. Такова была сила восприимчивости и деятельности породы ее жителей. Поэзию там любили, чтили и предавались ей уже в начале XIII века, а к концу его она там блестяще царила. Один провансальский трубадур, напутствуя своего собрата в Италию, говорил ему: «Если будете в Тоскане, ищите приюта в благородном граде Флоренции. Там собираются все таланты, там совершенствуются и украшаются радость, песня и любовь».

Историк Джованни Виллани, мы указывали, живописно изобразил празднества Иванова дня в один из годов позднего XIII века. Из слов его видно, какое большое место занимала в них поэзия. Тогда среди поклонников муз в знатном доме Росси за Арно составилось большое общество служителей и поклонников поэзии, музыки и пения. Они устраивали хоры и банкеты, ходили разукрашенными шествиями по улицам, одетые в белые платья, пели восторженные песни, сопровождая их игрою на различных инстру-

ментах, плясали и пировали открыто на воздухе, увлекая и рыцарей, и простых людей. Такие празднества раскрывали благородные и блестящие стороны флорентийского характера, на них стекалось множество людей и из других местностей: так плодилась любовь к искусству. И оно не замыкалось в кругу немногих, а действовало и на широкую массу. И из трудящихся низов буйно и свободно поднимались волны народной песни, принося в сокровищницу рождавшейся итальянской национальной поэзии стихию свежих, простых и искренних деревенских вдохновений. Доносились также из соседней прекрасной Умбрии кроткие мотивы религиозной хвалы (laude), которые Франциск Ассизский своим «гимном солнца» вложил в уста учеников, воспринявших и его поэтический дар.

Рождалась, в самом деле, великая культура; но происходило это в тяжких муках, и в них главными причинами и симптомами сопровождавшей развитие болезни были корысть и раздор, эгоистические вожделения, жажда богатства, власти и утеснения, — и еще не побежденная, слепая сила диких, грубых инстинктов. Лабораторию и смешение таких противоречивых низких стихий и высоких порывов представляла Флоренция на заре XIII века. Заманчиво для понимания того, как развертывается трагедия истории, как происходит в ней борьба классов и личностей, развернуть перед собою книгу ее прошлого и разобрать в ней хотя бы одну страницу, на которой изображается характерная отдельная сцена жизненной драмы, которая совершалась в стенах города, на улицах его, под кровом его домов, — посмотреть, как игра страстей может туманить умы, искажать воли.

4.

В первые годы XIII века борьба в Италии за господство в Европе между двумя мировыми властями, папством и империею, как будто, затихла. На престоле апостола Петра тогда восседал сильный духом, умом и энергиею Иннокентий III, папа — ученый богослов, реформатор и политик-властитель, проницательный и смелый. Он, казалось, сумел подчинить себе волю того, кому династическая традиция предназначала императорское достоинство, молодого, даровитого Фридриха II Гогенштрауфена. Он воспитан был под эгидою римского первосвященника и не сразу поднял протестующую голову. Соперник его в Германии, Оттон IV Вельф, мало имел надежд в Италии, где Фридрих обладал королевством Неаполя и Сицилии, — и в междоусобиях на полуострове наступило некоторое затишье. Но внутри Флоренции готовился новый взрыв взаимной ненависти между гражданами. Он должен был опять опасно запутать жизнь и все отношения.

Дино Компаньи с описания этого трагического эпизода начинает свою очень интересную и ценную, как источник, «хронику о событиях, пережитых им в своей жизни» [1]). Другие летописатели — Виллани,

---

[1]) Сам автор был видный флорентийский гражданин (род. около 1260 г., умер в 1323 г.), состоятельный член крупного цеха шелкоделов (его фамильный дом стоял на набережной Арно, близ моста Троицы) и добросовестный общественный деятель, образованный человек и стихотворец. Он отлично знал дела своего города, отличался благородным патриотизмом и правдивостью, обладал значительным писательским талантом, так-что он является надежным и достоверным свидетелем того, что происходило на его глазах во Флоренции.

Псевдо-Брунетто, Малеспини, позже Маккьявелли — дополняют его рассказ красочными подробностями. Картина, ими нарисованная, хорошо вводит нас в ощущение того, как слагалась во Флоренции повседневная жизнь; последняя же часто дает нам даже лучше, чем великие события, уразуметь, как плетется ткань человеческого существования, что движет общественную жизнь.

Первая сцена, как бы пролог всей драмы, разыгралась в окрестностях Флоренции, на одной загородной вилле в шести милях к северу от города около Кампи, по дороге к Прато, интереснейшему городку, похожему на Флоренцию, на пути от нее к постоянно враждовавшей с нею, но также на нее похожей во многом Пистойе. Дело происходило в начале 1216 г. Некий Маццинго Тегрими из знатного рода Маццинги праздновал там свое посвящение в рыцари.

Флорентийские магнаты, обладавшие барскими домами в городе, владели обычно и обширными землями на его территории. В главном имении находилось излюбленное сельское местопребывание господина, более или менее благоустроенная усадьба, центр управления хозяйством и увеселительное жилище. Большой экономической предприимчивости флорентийские землевладельцы не проявляли: они довольствовались грубою эксплуатациею земли крестьянским трудом на условиях съемки из части (mezzaria), при чем сеньериальные (политические) права господ мало-по-малу ослаблялись и крепостная зависимость сельского населения смягчалась. Когда постепенно земли стали переходить от дворянства в руки богатого купечества, может быть, происходило некоторое улуч-

шение в системе хозяйства; но центр тяжести в экономической области перешел к промышленности, торговле и банковому делу.

Деревенские дома флорентийских «помещиков» теряли характер феодальных замков, но продолжали строиться крепко; двор и сад обносились стеною, иногда, попрежнему украшенною зубцами; вход запирался прочными воротами. В интересующее нас время обстановка в виллах-усадьбах преобладала довольно простая: вкусы еще были патриархальные и требования комфорта умеренные. Только в немногих, и то скорее несколько позже, можно было наблюдать простор, богатое убранство, красивые декоративные сады, прямолинейно распланированные, искусственно украшенные изысканными деревьями, цветами, правильно рассаженными, фонтанами и каскадами, статуями и беседками, с роскошными парками и рощами для охоты кругом [1]).

На одной из таких вилл и происходило упомянутое празднество в доме Маццинго Тегрими. Было приглашено все лучшее флорентийское общество, и вслед за почетными гостями притащилось, как всегда бывало, множество прихлебателей, льстецов и забавников, а также профессиональных «мимов», шутов и

[1]) Впоследствии устройство вилл сильно осложнилось: постройки потеряли воинственный характер, расширились и приобрели изящество; художественные украшения стали обильнее и больше, обстановка роскошнее, сады изысканнее. Остовом своим, тяжелым, напоминающим крепость, воспроизводит такие архаические загородные дома и усадьбы знаменитая медичейская villa Carreggi, расположенная в той же стороне она стоит на месте и в наши дни.

скоморохов; во дворе же толпилась куча любопытных из обитателей окрестных селений, крестьян-половников и подданных господина, в ожидании подачки. На глазах у всех совершены были рыцарские игры и состязания, а затем начался бесконечный пир.

Для него внизу в главной зале расставлялся длинный стол, накрывавшийся скатертью, которая спускалась низко по бокам для того, чтобы каждому пирующему можно было об нее утирать рот и руки. Тарелки употреблялись из меди или латуни (фарфор и фаянс не вошли еще в практику). Только главные праздничные блюда подавались серебряные с гербом хозяина. Последние выставлялись, впрочем, в большинстве случаев, только на показ на особых поставцах, покрытых красивым сукном, куда ставились также вазы и еще кувшины с вином и водою. Перед каждым гостем полагался хлебец с небольшим ножиком, который заменял и вилку (последние распространились лишь в XIX веке). Приглашенные — даже у самых богатых и знатных — соединялись по двое, ели из одной тарелки, пили из одного стакана.

Количество блюд, дозволявшихся в составе пиршества (вечери — cena), во избежание излишества и щеголяния роскошью, ограничивалось законом; но за деньги можно было для парадных случаев получать льготы от властей на превышение нормы «во славу города». Мясные блюда подавались целыми окороками, дичь целыми птицами или животными. Начинался обед часто с печенки, залитой маслянистым, ароматическим соусом. Затем следовала вареная козлятина, павлин, подававшийся в украшении его перьев, вареные телячьи внутренности (trippa alla

fiorentina, как и теперь) блюда из окрашенного студня, выливавшегося в различные формы, приправленного шафраном, миндальным молоком и различными острыми специями. Очень любили древние флорентийцы угощаться жареным гусем, фаршированным чесноком и айвою. Гастрономические вкусы того времени сильно отличались от нынешних. Теперь предпочитают легкую, тонкую, разнообразную кухню; тогда очень склонны были к тяжелым блюдам, сдабривали их мускусом, амброй, бензоем и другими крепкими приправами, которые расстроили бы современный желудок. Ценили количество и сытность, аппетиты были сильные, пищеварение выносливое. Главное, центральное крупное жаркое (arrosto) — pièce de résistance — окружали мелким мясом и дичью и другими продуктами, своеобразно приготовленными, как смешанный, обильный гарнир. Впрочем, много мяса ели только у богатых на праздничных обедах. Пища же простых людей была всегда главным образом растительная (хлеб, овощи, фрукты) [1]. Подавалось и мучное печенье из тяжелого теста, галеты и пряники, но настоящее тонкое пирожное проникло во флорентийскую кухню из Франции значительно позже.

Во время пира иногда раздавалась музыка, но обычно концертные развлечения устраивались после его конца, когда все вставали из-за стола, вымывали руки и посуда убиралась. Только инструменты были элементарные и крикливые, так-что настоящего ансамбля не получалось. Разве только пели, аккомпанируя себе лирою, канцоны и сонеты, и нередко встречались

---

1) Свинина являлась особым лакомством.

прекрасные голоса. Плясали под звук тамбуров и дудок. Приглашались певцы-специалисты, иногда и благородные дамы участвовали в исполнении. В наиболее образованных домах поэты декламировали свои новые произведения, устраивались состязания в «песнях любви» (corti d'amore).

Но наиболее обычные и распространенные развлечения были гораздо более грубые. Забавляли публику фокусники — скоморохи (giocolatori — жонглеры). Они выделывали разные гимнастические штуки, выявляли белую и черную магию (всякого рода волшебства), проглатывали шпаги, показывали дрессированных животных и птиц, представляли легенды и фарсы. Все это поливалось щедрыми кубками разнородных вин, красных и белых, крепких и ароматных. Культура романских народов новой Европы так же, как древних греков и римлян, тесно связана с возделыванием виноградной лозы и потреблением выжимаемого из нее благородного напитка. Но чрезмерное его употребление искажало живительную силу, туманило головы, возбуждало сердца. Пили много и долго и после того, как кончали есть, предавались азартным играм, и вечер далеко не всегда оканчивался благополучно.

Вот и у Маццинго Тегрими на его вилле около Кампи в начале 1216 года так и сидели и пировали. Все за сто́лом ели, пили и забавлялись. Один из присутствовавших шутов (giullari), думая развеселить общество непристойною выходкою, выхватил из рук знатного рыцаря Уберто дельи Инфангати тарелку с вкусными яствами, которую тот только-что для себя наполнил. Часто происходило, что такого рода

приспешникам тайно поручалось кем-нибудь из присутствующих учинить публично неприятность недругу или сопернику или зло поглумиться над ним. За это насмешники сами иной раз подвергались побоям, но затем вознаграждались деньгами или другими подарками за бесчестие или увечье.

Сосед и сотрапезник обиженного, вкушавший из одной с ним тарелки, также блестящий рыцарь, молодой Буондельмонте деи Буондельмонти, принял к сердцу нанесенное тому оскорбление и поднял резкий протест. Началась перебранка, которая превратилась в свалку, и тут Оддо Арриги из рода Фифанти, который впоследствии при сношениях с Пизою своими бестактными, вызывающими действиями привел к вооруженному столкновению между двумя вечно боровшимися друг с другом городами — конкурентами в торговле, — взбешенный накинулся с неприличною бранью и вызывающими возгласами на уже рассвирепевшего Инфангати, а тот гневно крикнул ему в лицо, что он лжец. Тогда Оддо Арриги, окончательно потеряв голову, кинул тому в физиономию блюдо, полное мяса. Праздник превратился в общую драку; люди повскакали с мест; все были разгорячены винными парами, и тут случилось, что тот же Буондельмонте нанес Оддо Арриги рану ножом в руку.

Замутилось торжество, и рассорившиеся гости, кипя быстро возгоревшеюся ненавистью, грозя мщением, разъехались по домам. По нравам и обычаям времени и рыцарского общества причиненная обида должна была быть либо смыта кровью, либо улажена мирным способом, который привел бы к обоюдному забве-

нию нанесенного зла закрепленному поцелуем мира. Оддо Арриги созвал многочисленных родичей в свой дом для обсуждения вопроса, что следует предпринять. Сошлась вся сильная «консортерия», прибыли и боковые свойственники-союзники. Кроме членов семьи Фифанти, явились очень сильные «conti» (графы) Гангаланди, богатейшие владельцы из древней военной знати. За ними последовали Уберти, пожалуй, самая могущественная из фамилий городских магнатов: внутри старого центра им принадлежала очень большая территория, целая застроенная площадь (platea Ubertorum) в том месте, где позже был выстроен знаменитый дворец приоров (в будущем palazzo Vecchio) и расчищена «площадь господ» (piazza della Signoria). На фамильное собрание сочли долгом притти еще Ламберти, тоже очень сильные магнаты, обладавшие целым рядом замков в окрестностях и крепких «башен» также в старом городе: особая улица получила здесь их родовое наименование (via dei Lamberti). Присутствовали еще Амидеи, которые находились в близком свойстве с Оддо Арриги в силу брачных союзов и были их ближайшими соседями: их башни высились тут же рядом с башнями тех близ Арно у Старого моста, вокруг площади ныне еще существующей церкви Сан-Стефано, бывшей их общим приходом. Внушительные жилища Фифанти, Ламберти, Амидеи составляли обширный, сплоченный остров в этом оригинальном углу, до сих пор хранящем старинную физиономию.

Сбежалась многолюдная фамильная сходка на призыв проявить кровную солидарность всего мощного «линьяжа». Много было волнения и негодования,

судили и рядили долго, бряцали мечами, но в конце-концов благоразумие взяло верх над гневом и возбуждением, отрезвились разгоряченные сердца. Решено было заключить мир между поссорившимися группами. Вероятно, подобное же собрание происходило и в консортерии Буондельмонте, некоторые дома которых вкрапились тут же отчасти в перемешку с жилищами противников на улице «Апостолов». Те должны были, с своей стороны, готовиться к отпору; но, может быть, мирное предложение пошло от них, так как активным обидчиком был Буондельмонте. Обоюдно было решено прекратить распрю (возможно, что некоторые искупительные действия или слова были совершены или сказаны виновником), и примирение должно было быть санкционировано браком между молодым Буондельмонте и племянницею Оддо Арриги, дочерью Ламбертуччо дельи Амидеи.

Договор о мире и помолвке был, вероятно, составлен по юридическому обычаю эпохи в виде делового акта, скрепленного профессионалом-специалистом из ассоциации «юристов и нотариев»; исполнение обещания гарантировалось в нем денежным штрафом, подлежавшим уплате в случае нарушения его с той или другой стороны. Вслед за подписанием контракта должна была состояться официальная присяга, а затем осуществиться и свадьба. Так удалось заглушить поднявшийся было междуфамильный раздор и устроить новый брачный союз в утверждение мира, в поддержание и размножение граждан Флоренции «благородной крови».

Главным лицом во всем происшедшем эпизоде рисуется здесь молодой рыцарь Буондельмонте деи

Буондельмонти. Он и дальше будет играть центральную роль, действующую и страдающую. Интересно отметить прошлое его фамилии, и здесь кстати будет объяснить, какая практиковалась во Флоренции система наименования лиц. Фамильные обозначения в те времена только слагались и вполне определенно не были установлены. Называли людей просто по имени, данному при крещении; затем для отличия прибавляли, как и у нас, «отчество»: Иоанн сын Петра — Giovanni di Pietro. Отсюда образовывались мало́-по-малу, так сказать, «патронимические» фамильные прозвища с сокращениями — Figiovanni = = figli di Giovanni, сыны Иоанна; так же произошло уже известное нам Фифанти (figli di Fanti). Далее, Оддо Арриги—это имя, также образовавшееся подобным же путем: Оддо из сынов Арриго. Кроме того фамильные прозвища слагались путем прикрепления к данному роду какой-нибудь клички, привязавшейся почему-нибудь к его членам, которая мало-по-малу становилась постоянным фамильным наименованием. Можно привести выразительные примеры: Пацци — значит «безумные», Уббриаки — «пьяницы», Инфангати — «облитые грязью», Импортуни — «приставалы». Возникали сложные прозвания из двух слов: Форабоски — «рубилесы», Капонсаки — «головы в мешках», Фортингуерра — «храбрые воины»; даже из целых фраз: Диотисальви — «спаси тебя бог», Бентиволльо — «желаю тебе блага», Вивакивинче — «слава победителю» [1]).

---

[1]) Во Франции того времени замечается подобный последнему способ образования фамильных имен: Dieutegard —

Знатные фамилии часто вырабатывали свои родовые прозвища по именам своих главных земельных владений или резиденций. Так и фамильное имя Буондельмонти произошло от их основного замка (castello) — Montebuono (на доброй горе). Сначала владельца замка называли с некоторою перефразировкою — Buono del Monte (добрый с горы), затем сплотилось единое слово — Buondelmonte. Этот знаменитый замок расположен был в долине реки Греве, впадающей в Арно с юга по дороге из Флоренции в Сьену. Предки Буондельмонте прослеживаются вверх до X века. К ним принадлежал среди многих воинственных рыцарей знаменитый подвижник и проповедник Джованни Гуальберто († 1073 г.), основатель

«да хранит тебя бог», Mangematin — «утроед» (трудно утверждать, в каком смысле: просыпает ли утро или использует его, рано вставая), Piquemal — «коли зло», Aimelafille — «деволюбец». Таков же был характер образования фамильных прозвищ в древней Руси, часто из уничижительных кличек служилых людей — Пустошкин, Свиньин, Клопов и т. д. и т. д., или возвышенных начертаний в духовенстве — Крестовоздвиженский, Беневоленский, Синайский, Туберозов и так далее. В крестьянской среде до последнего времени прослеживался процесс первоначального образования и еще непрочности фамильных имен в связи с ясностью их происхождения, как прозвищ. Особенно это заметно в областях с украинским населением. И тут наиболее обычные наименования по родителям (Петровы и Петренко) или по месту жительства (Лозовой, Вербовый), по чертам лица и характера (Мурмыло, Кисляк, Хорошун), по животным (Муха, Орлик, Голубь), или растениям (Березка, Калина), по ремеслу (Кузнецовы, Рыбаевы), от числа (Первак, Пятак, Десятин), по историческим воспоминаниям (Сердюковы, Гайдуковы). Образование фамильных имен — довольно интересный предмет наблюдения в области народной психологии.

влиятельного монашеского ордена Валломброзанцев [1]). В общем же то была подвижная и буйная феодальная семья. Почти вся долина Пезы (притока Греве) составляла их владение, и они в свое время чинили городу Флоренции не мало притеснений, нападая на обозы с товарами, заграждая пути, облагая поборами. В конце-концов коммуна, вооружив свою милицию, пошла на замок Кастельбуоно в 1137 г. не без подстрекательства уже тогда враждовавшей с Буондельмонти фамилией Уберти. Замок был взят и разрушен: такова была общая политика поднимавшейся коммуны против окружавшего ее воинствующего рыцарства. Владельцы его братья Угуччоне и Россо принуждены были перебраться внутрь города. Усиливающееся гражданство любило прибегать к такому способу насильственного внедрения в городские стены (inurbamento) особенно упорствующих в действиях, вредных для интересов коммуны знатных рыцарей: они, по крайней мере, находились под глазами, можно было удобнее за ними наблюдать и во время парализовать опасные замыслы.

Так фамилия Буондельмонти оказалась в числе флорентийской городской знати. Семья могущественно разрослась и обзавелась солидною собственностью внутри города. Несколько их домов находилось на улице Апостолов и на улице «Терм» [2]).

[1]) Они так назывались по местоположению их основной обители Vallombrosa (пустынь «в тенистой долине») в чудной горной местности среди Апеннин к югу от Флоренции в великолепном еловом лесу (abetone).

[2]) Термы – римское название общественных бань (и здесь найдены во Флоренции следы таковых). Опять любопытное соединение в одном месте христианского и дохристианского названия.

Все здесь до сих пор веет стариною: узкие, извилистые улицы, высокие, суровые дома, башни, каким-то чудом спасшиеся от перестроек, часовни — «киоты» в стенах. Когда пройдешься по этим углам и переулкам, оживает образ старой Флоренции, и рассказы хроникеров воспринимаются почти как личные воспоминания. Дома фамилии Буондельмонти встречались и дальше к западу, около церкви Тринита: фамилия, должно быть, разветвилась, но ветви все же держались вместе. Еще одна, самая обширная их усадьба расположена была в заарнском квартале, на более просторной, менее заселенной почве. Тот из Буондельмонти, о котором идет речь в воспроизводимом здесь рассказе, и который был одним из сыновей вышеупомянутого Угуччоне, — там и обитал.

Кто же такие были Амидеи, из дома которых происходила нареченная невеста Буондельмонте? Это был также сильный отпрыск феодальной знати, угнездившейся на окружавшей Флоренцию плодородной территории. Они владели обширными поместьями по течению той же Греве, где находился замок Монтебуоно. И их предки уже прославились в первом крестовом походе. В ту же эпоху, к которой относится рассказываемый эпизод, члены фамилии Амидеи охотно занимались крупными денежными делами, не брезгали и ростовщичеством. Хроникеры, называя их фамильное имя, часто прибавляют топографическое обозначение — «те, что живут у головы моста», т.-е. близ Арно по сю сторону Старого моста. Мы уже выше указывали, что Амидеи были ближайшими соседями Одарриги, их дома и башни пополняли цельность и сплоченность магнатского конца, который

образовался здесь кругом площади Стефана и на прилежащих улицах. Одна башня, должно быть, главная, называвшаяся torre Bigoncia, была общею собственностью обоих породнившихся домов и являлась их главным «союзным» оплотом.

Задуманный брак, уже объявленный законною помолвкою, не только давал мирный исход разразившейся ссоре, которая грозила смутами кровавой мести, но и обещала значительное усиление «консортерии» (фамильного союза) Амидеи-Одарриги в силу заключения ими тесного свойства с такою богатою и сильною семьею, какими были Буондельмонти.

5.

Брачные союзы вообще являлись в средневековой Флоренции, особенно в видных домах, в большинстве случаев, актами деловой жизни в интересах фамильного блага или сословной либо коммунальной политики. Личная склонность оставалась на втором плане: она могла быть сопровождающим, но не решающим мотивом. Немаловажную роль при заключении браков играло, конечно, приданое, о котором точно договаривались вступающие в родство семьи. Современные писатели не раз высказывались, что в раннее время как вся жизнь вообще была скромна — вспомним у Данте хвалу «воздержанию и целомудрию» Флоренции доброго старого времени — выдаваемые замуж дочери наделялись обычно незначительными придаными. Сумма в 1000 ливров (около 25.000 франков) будто бы считалась в XIII веке очень большою меркою для приданого. Но такая оценка, по всей вероятности, относится не к самым богатым и знатным семьям.

Есть данные, даже относительно XII века, указывающие богатые приданые, состоявшие из денег, драгоценностей, земель, домов, которые приходится приравнивать к ценности нескольких, иногда даже многих тысяч ливров. Появились женихи-спекулянты на приданое. Наоборот, богатые отцы при сговорах о выдаче дочерей, старались выторговывать возможно выгодные для себя условия договора. Пререкания частенько затягивались, и свадьбы даже расстраивались из-за несговорчивости сторон. Совершались настоящие финансовые сделки, скрепляемые соответственными правительственными органами. Присутствовали в качестве свидетелей почтенные лица, заслуживающие доверия, которые подписывали заключавшийся договор.

Первым актом готовящегося союза являлась официальная помолвка, то-есть, заявление на семейном собрании со стороны жениха обещания взять в жены (togliere per moglie) такую-то девицу. При этом составлялся и подписывался форменный контракт, и жених вручал невесте кольцо (dare l'anello), как залог крепости своего слова. Это были обрядовые пережитки, шедшие из римской старины. При этом происходила еще передача отцом или опекуном невесты жениху власти или покровительства над девицей, имеющей стать его законною супругою: отец брал ее правою рукою за правую руку и влагал ее в руку будущего мужа. Последний при этом приносил будущему тестю подарок, обыкновенно, зимний плащ на лисьем меху: символический след древнейшего обычая купли невесты (вено). Практиковался кроме того обычай, что и будущий муж выделял часть своего

имущества, движимого и недвижимого, в собственность жене для обеспечения ее вдовьею долею на случай своей смерти.

Затем назначался день для настоящего брачного торжества, когда «девушка шла к мужу» (andar a marito), а муж вводил ее к себе в дом (menar la donna). Рассылались через слуг приглашения к родичам обеих сторон до третьей степени. Мало-по-малу выработаны были законные нормы, ограничивавшие брачный кортеж (banda) двумя стами человек с каждой стороны. Цифра показывает, как многочисленны были родственные союзы (parentadi, consorterie), державшиеся вместе и любившие в праздничных случаях показывать свою силу развертываньем всех членов,— что могло даже угрожать уличному движению и порядку тем более, что толпа праздных гуляк обоего пола неукоснительно собиралась на улицах поглазеть на любопытное зрелище.

Так как дома были чаще всего небольшие, то приглашенные собирались у входа в жилище невесты, для их удобства там расставлялись скамьи, покрытые коврами, но не всем удавалось поместиться; многим приходилось ожидать, стоя на ногах в тяжелых и пышных свадебных нарядах, отороченных дорогими мехами и украшенных золотом. Когда собирался свадебный поезд (brigata), выходила невеста, разодетая, в сопровождении «дружек», и составлялось шествие в церковь, обычно, пешком. Выбирался свой приходский храм, или, в особенно блестящих случаях, шли венчаться в собор или в баптистерий у престола Иоанна, туда, где брачущиеся после появления своего на свет были крещены.

Существует в летописи флорентийских каноников (соборного духовенства) описание одной из свадеб, происходивших именно в баптистерии. Боккаччо Адимари брал в жены Лизу, дочь Альбертаччо да Риказоли. Сохранилось и живописное изображение роскошного кортежа на большой картине неизвестного тосканского художника, находящейся теперь в флорентийской Академии искусств. Баптистерий Иоанна был приходом дома Адимари, ибо их дворцы и башни расположены были двумя длинными рядами по обе стороны улицы, соединяющей Соборную площадь с площадью Господ: она и носила имя их фамилии, называлась — Corso degli Adimari [1]).

На картине развертывается все роскошное шествие: блестящие кавалеры ведут изящных дам с типичными флорентийскими худощаво-грациозными фигурами и тонкими (лебедиными) шеями; старшие восседают у разукрашенных стен окружающих зданий. На богатых занавесях, которыми задрапированы стены, красуются вышитые надписи с латинским словом — veniam (приду!), знаменующим желание невесты скорее водвориться в доме избранника. Вся площадь между собором и баптистерием на картине затянута богатым пологом. Под лоджею (она и теперь стоит там — loggia del Bigallo) у входа на площадь расположены музыканты, играющие радостные гимны на трубах и литаврах. Вся картина залита веселым

---

[1]) При последовавшей затем демократизации строя и нравов она была переименована в улицу чулочников или вязальщиков (Via Calzaioli) и так называется до сих пор: там, действительно, и в наше время преобладают лавки трикотажных изделий.

солнцем и праздничным настроением. Описание относится, правда, к гораздо более позднему времени, чем наша эпоха, но свадебные обычаи очень консервативны, и оно годится и для нас: надобно только несколько упростить обстановку. Самые упомянутые законы, ограничивавшие в более позднее время роскошь (leges sumptuariae), характерные для демократических течений в городских республиках средневековья, показывают, что, так сказать, «праздничная спесь» развивалась у знати лишь постепенно, и власти в конце-концов сочли долгом вмешаться с несколько уравнительными тенденциями.

Когда брачущиеся становились у алтаря перед священником, над их головами держали балдахин или общий, освященный плат. Это был тоже старый римский и даже пришедший из Греции обычай, служивший символом целомудрия в браке. Как и нынче, тогда во время исполнения обряда связывали руки жениха и невесты в знак соединения их на всю жизнь (тоже, как у римлян, брак уже подчеркивается в юридическом определении его, как союз с разделением всей жизни «consortium omnis vitae»).

При возвращении свадебного поезда из церкви к дому невесты, молодых встречала толпа юношей, которые устраивали у входа заграждение (serraglio) с помощью ленты или гирлянды цветов. Их староста, выбиравшийся из красивейших, приносил молодой поздравление и вручал ей роскошный букет; но пропускал он новобрачных наверх только за выкуп в виде перстня или браслета, который вручал ему жених, он тогда обрезал преграду, и они входили в дом, где устраивался пир.

Большинство присутствовавших на церковной церемонии тут расходилось: в свадебном банкете могли участвовать только самые близкие в строго устанавливавшихся числах и пропорциях. Статуты в различное время были различны. В одном из них сказано, что невеста не могла приглашать на пир более 25 женщин, жених—более 16; затем также ограничивалось число мужчин, также число слуг, музыкантов и певцов (например, 2 трубача, 1 литаврщик и 2 потешника). Но эти ограничительные цифры относятся, кажется, только к внедомашним людям; родичи, живущие в доме, могли, конечно, присутствовать все (а их бывало не мало), да и вообще возможны были всякие обходы, а более знатным позволялось нарушать правила.

Перед входом в зал пиршества особый церемониймейстер вызывал по именам приглашенных и потом указывал им места за столом. Состав обеда подвергался также номинально строгой регламентации по закону. Нельзя было подавать более трех смен основных мясных блюд с гарниром; фрукты и сладости в счет не шли. Вина, разумеется, текли рекою. За пиром устраивались развлечения – песни и шутки жонглеров, часто грубые фарсы и цинические выходки, смешные пантомимы. Юноши из serraglio врывались (конечно, по заранее условленному соглашению) с различными маскарадными шествиями и представлениями. Засиживались долго, нагружались солидно, и спиртные пары мутили головы. Обилие яств, разнообразие питий составляли честь дома, прославляли молодых и их родителей.

Еще чем любили хвастаться на брачных торжествах — это одеждою. Франтовство распространилось

рано и скоро во Флоренции, как и богатство. Прошли старые времена, когда даже почтенные люди, состоятельные граждане ходили в толстых кожаных сапогах, набрасывали на плечи также кожаный кафтан, на голову грубый капюшон; женщины же носили простые юбки из козьей шерсти, стянутые ремневым поясом с костяною пряжкою, прикрывались от непогоды тяжелым плащом, подбитым овчиной. Почти все, даже богатые, обходились без белья: эта часть одежды, кажущаяся нам гигиенически необходимою, входила в обычай лишь медленно в высшем обществе вместе с распространением тонких полотен из Камбре, Фландрии и Голландии. Трудно себе теперь представить, как тонкие рыцарские дамы первоначально надевали платье прямо на тело.

Но новые нравы привились с большою легкостью. Дифференцировались состояния и классы, и высшие стремились воплотить свое сословное самочувствие именно в различии костюмов. Особенно женщины со страстью набросились на роскошь одежды. Шелка, бархат, меха, кружева, вышивки, пояса из серебра и золота, перстни, запястья, браслеты и ожерелья, диадемы на причудливых прическах, жемчуг, драгоценные камни стали без всякой меры украшать платье и красавиц, и уродок. Одежда должна была скрашивать безобразие, но и красота скрывалась под белилами и румянами, стройность стана терялась под навешанным убранством. Данте говорит в своей знаменитой инвективе против порчи нравов во Флоренции (в XV песне «Рая»), что на женщине в его время больше бросается в глаза ее разукрашенный пояс, чем прелесть ее лица. В другом месте он резко

заявляет, что только содрав с женщины накрученные на нее предметы роскоши, можно любоваться ее красой. Лодовико Адимари острит, что светская флорентийка, как улитка, навьючивает себе на спину весь свой дом. Можно было, в самом деле, видеть на знатной женщине надетое целое состояние.

Роскошь одежды жен могла подрывать крупные состояния мужей. Особенно разорительны были постоянные перемены моды. То увлекались открытыми платьями, бесстыдно обнажая плечи и грудь (Данте возмущается против этой манеры, рисующейся ему верхом распутства и призывает к борьбе с ним); то женщины подражают мужчинам, носят очень короткие платья, открывая ноги, одетые в длинных чулках; то, наоборот, отпускают длиннейшие шлейфы, которые на улице поднимают кучи пыли,— или заводят такие высокие воротники до ушей, что они не дают им двигать головой, и дамы ничего перед собою не видят, когда выходят из дома, и падают постоянно по дороге, даже причиняя себе увечья. Рукава в женских платьях иногда чрезмерно суживались так, что совсем стесняли движенья; иногда же делались такие широкие, что требовалось материи больше, чем на капюшоны, и такие длинные, что напоминали мешки. За столом такие рукава попадали в тарелки и блюда, опрокидывали стаканы и кувшины.

Увлеченье женщин нарядами заражало и молодых людей. Они привыкали к франтовству и поддавались капризам моды, меняли и преувеличивали формы и отделки платья — плащей, кафтанов и шаровар. Знаменитый новеллист (рассказчик) Франко Сак-

кетти рисует: «В былые времена, если на одежде мужчины видели заплату другого цвета сравнительно со всею, из того узнавали, что он беден; теперь же, напротив, разноцветность считается признаком изысканности и изящества. Вся одежда сшивается из разномастных, пестрых кусков. На панталонах не только одна нога одета в один цвет, другая в другой, но на каждой блистают три или четыре цвета зараз». Новеллисты и историки наперебой смеются над прихотями моды, давая любопытные картины нравов [1]).

Все это вызывало волнение в обществе и озабочивало правительство вольной коммуны, которое считало себя призванным блюсти не только за безопасностью и законностью, но и за чистотою нравов граждан [2]). Декреты против роскоши в одежде и в столе с течением времени все умножались. Такова была особенность республиканского (всего больше демократического) законодательства еще в античных городах-государствах. Течение повторилось и в итальянских средневековых коммунах. Преследовались излишество в украшениях своей особы драгоценностями; дошли до того, что установили максимум веса золота и серебра, которое женщины имели право носить на себе. Предписывались или запрещались определенные формы покроя платья, виды тканей для одежд. Полицейским чинам предоставлялись

---

[1]) См. книгу П. П. Муратова, Новеллы итальянского возрождения (т. I, изд. К. Ф. Некрасова, 1912 г.).

[2]) Франтовство проникало и в низшие слои населения: Простые женщины, даже крестьянки в деревне, украшались ожерельями из стекла и навешивали на платье отделку из разноцветной бумаги вместо шелковых лент.

полномочия вмешиваться в собрания, следить за выполнением запретов на улицах, проверять, налагать штрафы, конфисковывать запрещенные предметы. Но добиваться повиновения было не легко. Предлагались взятки, придумывались обходы, само правительство допускало исключения. Один из членов коллегии флорентийских приоров, восклицал: «Мы боремся против глухих стен». Кончалось тем, что правительство удовлетворялось налогами на роскошь, да и их с сильных людей взыскать было не легко.

Против женской суетности и любви к роскоши выступали и церковные проповедники; они громили с кафедр их пристрастие к мишуре. Особенно доставалось флорентийским дамам за шлейфы. Папский легат, кардинал Латино, посланный во Флоренцию в конце XIII в. для умиротворения раздоров и исправления нравов, прямо наложил на этот нечестивый обычай определенный запрет (интердикт), как живописно рассказывает колоритный писатель, францисканский монах Фра Салимбене, замечательный живописатель нравов: «Он (кардинал) привел в смятение женщин своими постановлениями, чтобы они носили платья, только спускающиеся до земли спереди, а сзади не более как на ладонь длиннее. Они же привыкли таскать за собою длинные хвосты, доходившие до двух с половиною локтей. Он приказал объявить это в церквах, как обязательное предписание, и запретил священникам отпускать грехи на исповеди тем, которые не будут слушаться. Это было для женщин горше смерти. Одна откровенно признавалась мне, что хвост дороже для нее всей остальной одежды. Кроме того кардинал Латино повелел всем женщинам — и девуш-

кам, и замужним, и вдовам, носить покрывала на головах. И это было им тяжело и ужасно. Но они успокоились тем, что нашли выход из такого страдания: они стали делать эти покрывала из прозрачных шелковых тканей, прошитых золотыми нитями. Из под таких вуалей лица их казались сладострастным мужчинам еще соблазнительнее красотою, чем прежде, когда были открыты. Но в отсутствии хвостов они не могли найти себе никакого утешения». Церковь почему-то обрушилась с особенным гонением на шлейфы. Один духовный писатель заявляет, что это — дьявольское наваждение, и рассказывал, будто сам видел, как чертенята пляшут на хвосте знатной дамы, не повиновавшейся церковному покаянию за роскошь.

Только для свадебных церемоний законы ослабляли строгость: на них можно было надевать самые дорогие платья и украшаться драгоценностями по вкусу и доброй воле, выставлять все богатства на собственной особе. Потому флорентийская знать очень любила собираться на брачные пиршества и торжества.

По окончании большого вечернего пира новобрачную — опять в пышном шествии отводили в дом супруга. Если она желала, то могла ехать верхом, окруженная подругами: таких «дружек» обычно полагалось шестеро. Толпа родвчей и друзей сопровождала ее до порога нового жилища. Ближайшие родственницы укладывали молодую в брачное ложе. Затем вся «бригата» расходилась по домам. Одержимые пьяным весельем, все шли с песнями, с факелами в руках, не воздерживаясь от нецензурных выкриков, хохота, скандальных шуток, а иногда и худших нарушений ти-

шины и спокойствия на улицах города. Дело невсегда обходилось без столкновения с блюстителями порядка. Жонглеры, шуты и скоморохи чаще всего являлись зачинщиками тут, как и во время пиров [1]).

Если брачущиеся припадлежали к особенно богатым и знатным семьям, празднества и развлечения возобновлялись и на следующий день после совершения церковного обряда. Они длились иногда два, три дня и больше, выражаясь в различного рода атлетических играх, сценических и музыкальных представлениях. Только мало-по-малу жизнь входила в будничную колею.

6.

Между Буондельмонти и Амидеи заключен был предварительный брачный договор, и родители невесты, доверяя обещанию, данному женихом, соби-

---

[1]) Кстати интересно указать еще на одно постановление флорентийских властей, относящееся к концу того же XIII века и направленное также к охране ночного спокойствия. Запрещалось после вечернего звона большого коммунального колокола и до звона утреннего, которые раздаются для безопасности флорентийской республики, ходить по улицам с песнями и игрою на флейтах, виолах, цитрах и других инструментах, устраивать «серенаты» или «матинаты» (вечерние и утренние концерты) под окнами возлюбленных. Это было в обычае у молодых людей, и это не только нарушало покой спящих граждан, но приводило иногда к кровавым столкновениям между соперниками. После свадебных пиров разгоряченная юность очень склонна была к подобным изъявлениям чувств, и нужно было тут особенно оберегать общий порядок и благопристойность. Виновные в нарушении правила подвергались штрафу, и инструменты, нарушавшие тишину, отбирались у них полициею.

рали приданое, готовились к окончательному торжеству. Но восстановленный мир оказался непрочен; нарушителем его стал тот же Буондельмонте, который, поддавшись голосу вновь загоревшейся страсти, нарушил клятвенно данное слово, изменил верности и чести, которые требовались моральным кодексом рыцарства.

Вот, что произошло. Буондельмонте, как вообще принято было у цвета флорентийской рыцарской «золотой молодежи» того времени, — любил разъезжать по лучшим улицам города, выставляя свое искусство править горячим, породистым конем, свою ловкость и изящество. Они парадировали перед глазами знатных дам и девиц, которые, сидя на виду под фамильными лоджиями в принятые светом часы, под покровительствующим взором матерей, сияли красотой и нарядами. Это был оригинальный бытовой способ искания одновременно женихов и невест, высматриванья блестящих, хороших или приятных партий.

Среди магнатских домов во Флоренции одно из крупнейших мест по богатству и притязаниям занимала фамилия Донати. В руках их были большие земли и сильные замки в области (in contado), и в городе они были собственниками многочисленных крепких дворцов (palagi e torri) в различных местах. Особенно известен был обширный комплекс домов, составлявших целый большой угол на самом восточном конце города, у второй стены, где главная поперечная улица упирается в ворота св. Петра (San Pier Maggiore). Вся здесь расположенная площадь носила их фамильное имя (piazza Donati) так же, как упомянутая длинная улица (corso Donati). Тут же

возвышавшийся монастырь «св. Петра Великого» обязан был своим украшением главным образом щедрости членов этой семьи.

Другие дома Донати, где обитала младшая линия размножившегося рода, находились на той же улице, но внутри старого центра, к югу от собора. До сих пор сохраняющаяся здесь площадка внутри домов называется и теперь «двором» (corte) Донати; она соприкасается задворками с заднею стеною выходившего фасадом на другую улицу (святой Маргариты) дома фамилии Алигьери, где родился и жил знаменитый поэт Данте, — который был женат на Джемме, дочери одного из соседей—Донати. Нынешняя Флоренция вся полна таких топографических воспоминаний: все ее улицы и многие дома звучат живыми голосами из старины. Это очень помогает наглядному изучению прошлого великого города.

В то время, о котором здесь идет речь, глава дома Донати — Форезе — был в супружестве с очень энергичной, чрезвычайно предприимчивой женщиной — «мадонной Гуальдрадой» [1]), у которой были две дочери - красавицы, на выданьи. Буондельмонте часто проезжал, гарцуя, мимо их лоджи, а мадонна Гуальдрада восседала в ней с обеими дочерьми, «показывала товар лицом», зазывая охотников. Она, очевидно, наметила себе в зятья богатого и красивого рыцаря, бросала на него выразительные взгляды, на-

---

[1]) Она была бабкой того мрачно прославившегося Корсо Донати, ставшего главою партии «черных», который поднял в последние годы XIII и первые XIV века жестокое междоусобие внутри города и стал главным виновником изгнания Данте из Флоренции.

мереваясь отбить его от нареченной невесты для одной из своих дочерей. И тому скоро приглянулась одна из красавиц, и он частенько стал появляться перед лоджею Донати. Мать зорко следила за выбранною добычею, и, увидев, что «клюет», подослала к нему тайно своих сватов. Хроникеры — Джованни Виллани, Дино Компаньи, Псевдо-Брунетто—колоритно рассказывают об этом эпизоде, характерном для уразумения жизни и нравов Флоренции. Гонцы передавали от мадонны Гуальдрады заманчивые слова: «Что тебе за охота брать за себя дурнушку, я припасла для тебя вот эту — красивую, свою дочь».

Буондельмонте, задетый за живое в своем самолюбии, разжигаемый возбужденным желанием, заколебался. А соблазнительница удвоила старания и решительность, расставляла сети все теснее. Заочный диалог через подосланных лиц, может быть, через записочки продолжался. — «Хотел бы, но как нарушить данное обещание, как разорвать заключенный контракт?» — «Ничего, делай! Я заплачу за тебя подлежащую пеню». — Буондельмонте сам легко мог бы это сделать, но расчет был чувствителен и для богатых; к тому же сейчас казна его могла быть пуста — деньги находятся в делах или много растрачено было на кутежи и веселую жизнь, — а отложить расплату в случае требования суда за невыполнение договора было невозможно. Но сильнее всего действовал, конечно, пламень, охвативший своевольную душу; да нагая невеста и по блеску своего положения очень уж была хороша.

Так или иначе, но благородный рыцарь изменил данному слову, бросил свою нареченную и дал обе-

щание другой. Брунетто говорит: «он согласился на сделанное ему предложение легкомысленно, не подумавши, не посоветовавшись ни с кем»; а Виллани прибавляет зловещее толкование: «совращенный дьяволом, он вступил в супружество с девицею из дома Донати».

Псевдо-Брунетто сообщает в характерных подробностях, как произошло дело. Для первой условленной свадьбы назначен был день — четверг 11 февраля 1216 года [1]) в церкви «св. Стефана у моста», приходском храме фамилии Амидеи и ее «консортов». Она существует до сих пор, стоит скромная, на тихой четыреугольной площади. Называлась она еще — «св. Стефаном с железными вратами», потому что вход в нее снабжен был крепкими запорами. Свадебный поезд уже составился (Буондельмонте, очевидно, скрывал свою измену), и дочь Ламбертуччо Пандольфини из рода Амидеи, роскошно разодетая, ожидала суженого вместе со своею «бригатою» около Старого моста, у того таинственного конного изваяния, которое слыло за статую Марса, прежнего языческого патрона города. Может быть, она тоже, по укоренившемуся древнему обычаю, положила у его подножия зелень и цветы, призывая и его покровительство своему благополучию.

Между тем ожидание было напрасно: узнали, что жених не прибудет, что он предпочел невесту из дома Донати, а прежнюю, помолвленную, покинул. Есть даже известие, будто бы он в тот же день про-

---

[1]) По флорентийскому счету это выходило еще в 1215 году, так как новый год в ней начинался 25 марта, в день благовещения.

ехал мимо собравшихся, отправляясь на новое брачное торжество. Оскорбленная дочь Амидеи вернулась в родительский дом; но родичи воспылали гневом и местью, и отец обиженной созвал в церкви «святой Марии над воротами» фамильный совет, чтобы решить, как смыть нанесенный позор.

Интересно, что места религиозного культа служили также для собраний совсем иного характера, совсем чуждого их прямому назначению. Церквей в старых итальянских городах было очень много — соборные, монастырские, орденские, приходские, частные — фамильно-домовые, потом корпоративные: каждый цех, каждая профессиональная или благотворительная ассоциация имела свой храм, а такими разнообразными союзами кишели средневековые коммуны. Приходы же (popoli) составляли нечто вроде малой не только церковной, но и гражданской общины, социальной ячейки внутри большой (городской) республики — città. Так, церковь оказывалась центром благочестия и самоуправления; перед главным входом ее часто росло могучее дерево, обычно — вяз, под сенью которого садился местный староста, судья околодка, избранный начальник «соседства» (vicinanza) — улицы, квартала — чинить суд и расправу в пределах своей «концевой» компетенции. И внутри церкви происходили собрания не по одним религиозным делам, но и по мирским; а в городском соборе совершались и большие политические сходбища. В том случае, о котором у нас идет речь, «церковь над воротами св. Марии», очевидно, имела отношение к той консортерии знатных семейств, к которой принадлежала фамилия Амидеи.

Опять сошлись вместе представители союзных с Амидеи родов. Явились, как и в первый раз, графы Гангаланди, обладатели широко раскинутых поместий по Арно ниже Флоренции, против города Синьи: пока знать еще играла в городе первую роль, а земли (сельские недвижимости) составляли главную материальную опору социального могущества; денежный капитал присоединялся к ним, сначала, как все более внушительная добавочная сила. Даже первые возвысившиеся купеческие фамилии, крупные предприниматели и банкиры, первоначально стремились влагать значительную часть своих состояний в земельные фонды, которые они скупали, или отбирали за долги у разорявшихся представителей старого феодализма. И жизнь свою эти «новые богачи» (nuovi ricchi) старались устроить по образцу подрывавшихся ими старых знатных. Возникавший таким образом городской купеческий «патрициат» даже считал важным приобретать (нередко за деньги) рыцарское достоинство, сливаясь с исконною аристократиею. Только мало-по-малу денежные тузы стали отделяться от земельных сеньоров, сплачиваться как самостоятельная экономическая сила, орудующая промышленностью и торговлею: крупная «буржуазия» противостала «дворянству» или «купечество» — «рыцарству».

Теперь, в 1216 году около обиженных Амидеи собрались по обычаю многие дворяне-магнаты. На зов их откликнулись еще многочисленные и сильные Фифанти и Ламберти. Имена их нам тоже уж известны. Дворцы первых возвышались рядом с домами Амидеи и кроме того за Арно у них была великолепная подгородная вилла с огромным парком там, где теперь

расположен роскошный «сад Боболи» при королевском, прежде медичейском палаццо Питти, яркий образец увеселительных насаждений времен ренессанса. Вторые были могущественными выходцами из Германии, пришедшими вместе с императором Оттоном I в X веке, укрепившимися в стране и совсем «обитальянившимися». Они сначала владели целою цепью замков кругом Флоренции и долго держали в страхе гражданство вместе с другими владельцами подобных феодальных твердынь. Но при усилении коммуны и внутри ее новых социальных групп вооруженные силы гражданства вырвали их из их гнезд и переселили в город. С ними произошло, стало быть, то же, что с предками Буондельмонте. Так же, как тем, фамилии Ламберти удалось вновь усилиться внутри стен Флоренции, и они широко раскинули на территории города свои укрепленные дома: выросла, неподалеко от Старого и Нового рынка целая улица, которая и ныне носит их фамильное имя, так же как другая, наискось пересекающая ту, на которой сидели Амидеи, — via Lambertesca, подле нынешней галлереи Уффиций, названа по имени отросшей от них, также могущественной и богатой ветви.

Амидеи, Гангаланди, Фифанти, Одарриги, Ламберти и Ламбертески составляли уже очень внушительный родовой союз (lignaggio, società), и они могли, каждая семья, кликнуть клич еще к многочисленным боковым родичам. Тут же, в этом собрании они были очень рады прибытию как и в первый раз своих соседей У́берти, сильнейших из сильных во Флоренции. Происхождение этой знаменитой семьи точно неизвестно; но сочиненная их домашней тра-

дицией генеалогия вела род от Уберто, сказочного сына Катилины, который после смерти этого неудачного римского заговорщика, почему-то почитавшегося во Флоренции, остался мальчиком во Фьезоле, был принят в семью Юлия Цезаря, награжден его прозвищем (Uberto Cesare) и сделан почетным гражданином основанной тем Флоренции. Конечно,—это неуклюжее книжное измышление, но характерна тенденция генеалогической выдумки: она должна была связать род с знаменитыми древними римлянами. Флорентийцы кичились возможностью вести свой род от такого высокого корня. Во всяком случае, Уберти уже в XII веке были самыми сильными магнатами во Флоренции. Их фамильное самочувствие вознеслось уже тогда так высоко, что в 1170 годах они замышляли овладеть принципатом, то-есть, единоличною властью в городе, отняв ее силою у республиканского консульского правительства.

Можно себе представить, как важно было участие главы этой семьи — Скьятта дельи Уберти в фамильном заговоре Амидеи и их родичей и друзей против Буондельмонте. Уберти играли в нем даже руководящую роль, стараясь притом дать разгоревшейся междуфамильной ненависти некоторую, увидим, политическую окраску. Стали думать, как поступить, чтобы осуществить достойную отплату изменнику. Один предлагал заставить Буондельмонте в унизительной для него форме принести повинную и испросить прощение у обиженной им девушки. Другой советовал отцу ее выехать на коне к дому Буондельмонте, вызвать его и нанести ему удар хлыстом по лицу.

Но бешеная злость росла среди возбужденных речей и возгласов негодования. Все казалось недостаточным для очищения всего союза от пятна на чести его членов. И вот один из присутствующих, Моска из дома Ламберти, гневно произнес таинственные, зловещие слова: «Сделанное дело возглавится»: Cosa fatta capo ha. Это значило: только решительным актом можно увенчать дело, то-есть, покончить конфликт. Кто оставит Буондельмонте раненым или побитым, тот может заранее готовить себе могилу: он погибнет от его руки. Надо его извести. Все так и поняли это, как призыв к чистой и полной кровавой мести, и все согласились, что изменник должен быть умерщвлен. Виллани называет выступление Моски «злым словом» (la mala parola). Данте со скорбью вспоминает в «Аду» (XXVIII, 106) его роковой совет, влагая раскаяние в уста самого Моски:

„Ты вспомнишь также Моску!
Увы! это я сказал слова: сделанное дело получит завершение;
И из этих слов произошли все несчастья тосканского племени“.

Брошено злое семя в почву Тосканы! Прошло два месяца после предательского нарушения знатным рыцарем данной клятвы. Наступила пасха. На второй день ее, в понедельник утром, Буондельмонте ехал через Старый мост верхом на великолепном белом коне из своего заарнского дворца, расположенного у церкви «Сан Феличе на площади», направляясь к собору. На нем было роскошное праздничное платье.

Это было высшее рыцарское щегольство — быть одетым в белое с головы до ног: плотно облекающий тело атласный короткий кафтан, узкие штаны из белого сукна, башмаки и беретт из белого бархата. На Буондельмонте наброшен был еще развевающийся плащ из белого шелка, но голова его была открыта, только на изящно-убранных волосах красовался венок также из белых цветов [1]).

Заговорщики знали, что враг непременно поедет в тот день к праздничному богослужению в собор и выбрали этот срок для исполнения жестокого замысла. Они рано собрались в доме Ламбертуччо дельи Амидеи. Дождавшись времени, они вышли навстречу противнику, не подозревавшему опасности в виде тайной расправы, хотя, может быть, и готовому к открытому вызову. Когда Буондельмонте, съехав с моста, приблизился к постаменту статуи Марса, на него зверски набросились недруги. Место было сознательно выбрано то самое, где он должен был встретить первую невесту, но постыдно обманул ее. Первым ринулся Скьятта дельи Уберти и стащил Буондельмонте с лошади. Моска деи Ламберти, Гангаланди и отец оставленной невесты Ламбертуччо дельи Амидеи стали наносить удары мечами ему, уже лежащему на земле, а Одо Арриги деи Фифанти открыл ему жилы. Побоище быстро кончилось, Буондельмонте испустил дух, а враги, обагренные его кровью, торжествуя, разошлись по домам.

---

[1]) Некоторые представляют себе, что и молодая супруга должна была сопровождать его в соответствующем одеянии и убранстве; но современные источники не упоминают об этом.

Оскорбленная девица из рода Амидеи была отомщена. Но предпочтенная женщина из дома Донати, у которой кровавым насилием отняли супруга, взывала к новому мщению. Она положила тело убитого на носилки, сама поднялась на них и, держа голову погибшего у себя на коленях, оглашала улицы города горьким плачем и стенаниями, предаваясь бурному горю, выставляя всем на вид окровавленный труп мужа, стараясь вызвать сочувствие к своему несчастию, поднять ропот, создать обстановку и настроение, благоприятные для отплаты за совершенное злодеяние.

Умерщвленный Буондельмонте был погребен женою в соборе Репараты с почестями, должными видному и благородному гражданину рыцарского достоинства (nobiltà cavalleresca). Похоронные обычаи требовали выполнения строго установленного ритуала. При естественной смерти обряды начинались еще до того момента, когда человек навсегда закрывал глаза. Если умирающий находился в сознании, он сам объявлял свою последнюю волю окружавшей его семье. Собравшиеся родичи и духовенство произносили вслух соответствующие молитвословия. Священник по евангелию читал отрывки из страстей Христовых. Особенно благочестивые люди, умирая, требовали, чтобы их клали на пепел или даже на мелкие камешки: они надеялись таким аскетическим покаянием легче заслужить райское блаженство. Когда жизнь отлетала от человека, тело его немедленно готовилось к погребению. Его обмывали теплою водою, в которую всыпали благовонные травы и другие ароматические вещества. Скончавшегося немедленно полагали во гроб и хоронили, самое позднее, на следующий день. Над

телом, пока оно оставалось в доме, устраивался плач. Женщины, принадлежавшие к дому, распускали волосы так, чтобы они могли повиснуть долу, и, окружая гроб усопшего, предавались громким причитаниям; при этом они разрывали на себе одежды до пояса и в исступлении расцарапывали себе ногтями лицо и грудь. Все эти обычаи в начале XIII века оставались живыми и действенными [1]).

К часу погребения собирались мужчины — родственники и соседи; ближайшие несли гроб на носилках, другие сопровождали процессию с зажженными большими восковыми свечами в руках до приходской церкви или другой, где умерший желал быть похоронен. Знатных людей хоронили долгое время именно в городских церквах под полом или в особых боковых капеллах, которые богатые семьи нередко устраивали на свой счет, и которые носили их имя. Люди, более простые, находили упокоение около церквей: в старину почти у каждой устраивалось кладбище; только постепенно установилось правило хоронить умерших за городом из гигиенических соображений. Так и прах убитого Буондельмонте был положен в старом соборе Репараты [2]).

---

[1]) Описание похоронных обычаев и обрядов можно найти у Боккаччо во введении к его «Декамерону» (русский перевод Алексея Веселовского, 2 тома, Москва, 1881—1892).— Вообще матерьял новелл очень богат бытовыми данными.

[2]) Лучший современный историк Флоренции, Роберт Давидсон, нашел в сохранившейся книге умерших собора св. Репараты под 11 апреля 1216 года указание, что скончался «господин» (dominus), т.-е. благородный человек, Буондельмонте. Этим он исправляет обычное отнесение этого события к 1215 году.

При погребениях действовали в качестве исполнителей обрядов особые благочестивые конгрегации, специально предназначавшие себя для этого, монашеские или полумонашеские.

Обстановка при погребениях пышностью или простотою соответствовала, конечно, социальному положению умершего и состоянию его семьи. У знатных, видимо, стремление к роскоши проникало и в этот печальный обряд. Старались окружить проводы скончавшегося блеском его богатства. Одевали его тело в дорогие одежды, гроб украшали покровом из златотканных материй. Устраивали длинные процессии с целыми хорами плакальщиц, которые раздирающими воплями оглашали улицы, как бы запечатлевая в ушах сограждан память об ушедшем. Церкви при отпевании заливались светом множества свечей. Излишества при этой роскоши погребений доходили до того, что потребовалось и тут ограничивающее вмешательство закона. Устанавливалось, например, предельное число участвующих в похоронной процессии и нормы для вошедшего в обычай поминального обеда.

Во Флоренции, впрочем, сохраняли, в общем, как кажется, господство старые, довольно простые формы похоронных обрядов. После погребения, выходя из церкви, производили раздачу бедным хлеба и других продуктов. Это повторялось в поминальные дни — на седьмой и на тридцатый день после кончины, а потом в день исполнения года. Богатые даже учреждали особые капиталы для раздачи милостыни и впредь в каждую печальную годовщину.

Кончая свой рассказ о «кровавой свадьбе Буондельмонте», хроникер, повествующий о ней наиболее по-

дробно, Псевдо-Брунетто Латини, заключает трагический эпизод следующими словами: «С этого дня началось расстройство Флоренции, ибо как раз тогда впервые раздались новые слова—«гвельфская и гибеллинская партии». В таком же смысле высказывается Джованни Виллани. Также и Дино Компаньи связывает возникновение «гвельфов» и «гибеллинов» именно с событием распри Буондельмонте с Амидеи и примкнувших к каждой из сторон родичей и друзей (parentadi e amistá) и возникших в связи с нею долгих гражданских междоусобий (battaglie cittadinesche).

Такое большое, сложное и длительное явление в жизни итальянских городов они ставят в причинную связь с таким малым и частным на первый взгляд фактом. Дино Компаньи, благородный человек и горячо любящий родину гражданин, талантливый летописатель обращается к флорентинцам с словами горького обличения: «Пусть же плачут граждане о себе и о сынах своих! Гордынею своею и злобою, жадно гоняясь за властью, могуществом и славою, они разрушили такой замечательный город, замарали уставы, осквернили общественную службу корыстью, омрачили в короткое время честь родного края, которую предки утверждали так медленно и с такими усилиями! Пусть ожидают они божьего правосудия! Оно уже проявляется во многих знамениях и грозит им карою, как виновным, которые, обладая свободою, могли бы сохранить себя от рабства страстям».

Точно также Данте в «Божественной Комедии» приписывает измене Буондельмонте и последовавшим за нею кровавым раздорам все дальнейшие беды Фло-

ренции. Надо привести и постараться понять соответствующее место из XVI песни «Рая»[1]). Поэт встречается в царстве блаженных с душою предка своего Каччагуиды, который рассказывает ему о прошлом Флоренции, перечисляет и характеризует знаменитые фамилии, «доброго старого времени», когда счастливо жилось в городе на берегах Арно, когда в нем господствовали чистые нравы и внутренний мир. В своих словах он многое вспоминает, но многое и предсказывает в судьбах города и в частности как бы провидит событие 1216 года. Он говорит таинственно, полный волнения[2]):

> «Давно уже жили в нашем городе Гуальтеротти и Импортуни, и в Борго продолжалось бы спокойствие, если бы не появились в нем новые соседи. Дом, из которого родилось ваше горе, потому что справедливою местью он принес вам смерть и положил конец вашей веселой жизни, был почитаем тогда со всеми своими родичами. О, Буондельмонте! на беду уклонился ты от своей свадьбы по наущению других! Многие остались бы радостны из тех, кто теперь в скорби, если бы бог отдал тело твое в дар Эме в тот первый раз, когда ты явился в город. Но, видно, нужно было тому разваливающемуся

---

[1]) Данте трудно читать, настолько насыщены содержанием его стихи, настолько символичен его язык. Его почти невозможно перевести хорошими стихами, текст его требует больших комментариев; но вдумавшись в его речь, почерпаешь глубокие мысли и яркие образы.

[2]) Не решаюсь пользоваться стихотворным переводом не только потому, что даже лучшие из имеющихся мало передают поэзию Данте, но и потому, что они искажают нередко самый смысл его слов и мыслей.

каменному изваянию, что держит стражу у моста, — чтобы Флоренция принесла тебя в жертву в последние дни своего мирного жития. С названными фамилиями и многими еще другими я видел Флоренцию в таком полном покое, что не было у нее никакой причины лить слезы. С этими фамилиями я видел народ таким славным и справедливым, что ни разу не пришлось лилии быть опрокинутою долу на острие копья, и раздоры еще не окрасили ее в багровый цвет».

Здесь у Данте в иносказательных образах проходит перед нами вся трагическая картина кровавой свадьбы Буондельмонте. Поэт воплощает в ней то понимание значения события, которое установило общественное мнение Флоренции, передававшееся с верою из поколения в поколение, как преданье старины глубокой. Он же освещает мрачный рассказ лучом своего идеала: мир — радость и благо, кровавый раздор — горе и беда.

В Борго (на улице Апостолов) жилось благополучно, когда старые граждане (Гуальтеротти и Импортуни) обитали рядом в добром согласии. Беспечально жила, пользуясь общим уважением и та семья, которая нанесла городу смертельную рану своим гневом, который сам Данте, однако, называет заслуженным. Это обнажившие меч за честь рода Амидеи: поэт признает их право на кровавую месть, но не может не оплакивать факт, в котором видит начало несчастий. Он обращает укор к Буондельмонте: зачем явился он в город? Лучше бы оставили его (вернее: его предка) в замке, лучше бы волны реки Эмы, через которую ему пришлось перебираться по дороге.

поглотили его! Но от судьбы не уйдешь: статуя Марса у старого моста разваливается — флорентийцы не сумели сберечь ее от действия воды (она падала в Арно во время наводнения) и ветра, а от ее сохранности (все верят) зависит счастье города. Она потребовала себе жертвы, а от убиения Буондельмонте потянулись междоусобные смуты. Пролитая кровь породила вместо радости плач, вместо мира жестокие распри, а потом вместо побед поражения: знамена с гербовою лилиею раньше всегда поднимались головою вверх на древке копья, а теперь враги-победители позорно опускают их в грязь, и лилия падает вниз головою, — а кровавые раздоры окрасили ее — исконно белую в красный цвет [1]. — Так Данте толковал происхождение во Флоренции партийного разделения, образование партий гвельфов и гибеллинов, от которых возникло все зло, и на которых он не раз обрушивается с жаркими нападками в своей «Божественной Комедии».

Авторитет поэта поддерживал традицию. Но можно-ли, в самом деле, думать, что трагический конец Буондельмонте стал первопричиною рождения партий гвельфов и гибеллинов и долговременной, охватившей всю Италию борьбы между ними, которая подорвала процветание и свободу не одной Флоренции? С первого же взгляда это кажется невероятным: это слишком простое толкование, несоразмерное с слож-

[1] Флорентийским гербом первоначально была белая лилия на красном поле. Когда произошло разделение, гвельфы переменили расположение цветов, приняли за свой герб красную лилию на белом поле (оттого: лилия стала багровою из-за раздора); гибеллины оставили прежнее сочетание.

ностью явления. Хорошо бы присмотреться к факту, попытаться его оценить, увидеть в конкретном событии нити процессов, которые, так сказать, отражались в нем, как нередко частное бывает зеркалом общего, — простой рассказ освещает сложные пружины, влияющие на жизнь, ее строящие и расстраивающие. Это интересно и важно, ибо прошлое помогает уразумевать настоящее.

7.

Что такое кровавая ссора Буондельмонти и Амидеи и примкнувших к ним союзов родства и дружбы (parentadi ed amistà), в собственном смысле слова? — Это индивидуальный случай широко распространенного в феодальных обществах обычая или даже учреждения, которое было очень характерно для самой природы и быта этого типа социальной союзности. Оно должно было служить (правда, грубым способом) самосохранению каждой такой ячейки, но оно же разбивало возможность прочного существования и развития более крупного и значительного государственного объединения.

Это был институт или обычай, включавший в себя право и обязанность кровавой мести. В итальянском средневековом мире он именовался — vendetta или еще rappressaglie. Оба термина имели однородное значение: первый прямо обозначал месть, второй — наказание (карательное действо) за насилие. Постоянная и упорная практика такого обычая была одною из причин насильственной окраски внутренних отношений всех мелких и крупных сеньериаль-

ных, а потом и коммунальных миров средневековой Италии.

Кровавый обычай был своеобразным возрождением древнего быта, — когда кровный союз являлся еще, — в исконном обществе, — единственною формою политического соединения, родовая власть — единственною формою защиты или обуздания индивидуальных существований или воль. Каждый род жил сам по себе, и все его члены являлись солидарными в защите своих собратьев против обиды извне. За убийство родича чужим человеком должны были становиться против убийцы и его рода все члены рода убитого и не опускать меча, пока за кровь не оказывалось отплачено кровью. То же происходило и при случаях более легких обид, — и войны между родами затягивались надолго.

Замирение могло осуществиться только по соглашению обеих сторон. Оно сопровождалось формальным договором с взаимным возвращением проторий и убытков и компенсацию оскорблений. Санкцией забвения обид и вражды нередко уже тогда — у варварских племен — являлось заключение брачного союза между помирившимися противниками. Впрочем, бывало, что уже на свадебном пиру наносились в разгоряченном состоянии новые оскорбления и возгоралась новая распря.

Не прочны были такие формы существования и такие средства защиты. Расширявшийся и утончавшийся инстинкт самосохранения, потребность более крепкой союзности и мира вырабатывали новые пути сближения и охраны интересов. Образовывались новые дисциплинирующие и подчиняющие силы.

Роды оказались соединенными в государства; обеспечение мира внутри его общества взяла на себя судейская власть: тогда кровавая месть стала выходить из употребления; частные расплаты становились уже преступлениями. Судья должен был раньше всего устанавливать, можно ли мстить, и кто приобретает на это право (только ближайшие родичи). Потом он же должен был преследовать вспышки вооруженных мщений, решить, чем обязана была удовлетвориться обиженная сторона. Обыкновенно, тут постановлялся выкуп, предметный (скотом) или денежный, смотря по хозяйственному развитию племени, принявшего над собою государственную власть, и высота его менялась в зависимости от серьезности понесенного оскорбления либо ущерба.

Родовая защита делалась излишнею для сохранения мира внутри племени, и ценность связи между кровными родичами ослаблялась. Роды распадались мало-по-малу на отдельные семьи, и государственная власть обращалась с своими требованиями и запросами уже не к кровным группам, как прежде, а к отдельным лицам, которые стали индивидуально ответственны за свои служебные обязанности и за свои проступки. Такова была общая линия развития, определявшая отношения между государством, родом и личностью. Она не протягивалась прямо, а чертилась извилинами, знаменующими колебания в самом процессе: то государство усиливалось, стесняя права рода, то вновь возрождалось родовое самоуправство в виде многократных и многоцветных пережитков фамильных распрей, долгих раздоров и мщений за обиды без обращения к судейской власти, помимо закона, по нравам отцов.

Феодальное разложение, охватившее все большие государства западной Европы в глубине средневековья, после распадения великой монархии Карла Великого, с X века, сильно содействовало своеобразному оживлению типов жизни, похожих на родовые. Верховная, объединяющая власть государства потеряла авторитет. Общество дробилось в мельчавшие союзы на небольших, замкнутых территориях. Самостоятельную жизнь получили «поместья-сеньерии» [1]). Бытовое существование и социальная защита сосредоточились в замках феодальных господ. За стенами и башнями замков сидела большая семья барона; там находила приют многочисленная группа сильных и смелых кровных родичей.

Сам барон-отец являлся вождем и начальником сидящего в крепком гнезде союза — паража или линьяжа. Тут под общею семейною властью живут и взрослые, женатые сыновья и внуки, часто младшие братья, племянники и более отдаленные родственники. Их связывают одинаковые интересы власти над землею и людьми. К ним примыкают оторвавшиеся в силу того или иного жизненного несчастья от другой подобной же группы люди, отдавшие себя под руку господину замка, принесшие ему клятву в верности. Их окружает многочисленная челядь всякого рода слуг, квалифицированных на различные потребности дома, двора и поместья. Это — целое общество, похожее на древний род, на первобытный клан.

---

[1]) Обстоятельное описание строя и жизни такой социальной ячейки можно найти в книге Н. И. Кареева, Поместье — государство (несколько раз переиздавалась в СПБ.).

Им спокойно и крепко вместе; но кругом все чужие, кругом царит насилие, и они погибнут, если распадутся. Исчезла или бессильна государственная власть. Они же все вооружены и могут жить войною. Но между собою членов таких групп (а их много на пространстве по феодальному организованной страны) связывают тесные узы солидарности. В последней чувствуется нечто благородное и гордое, но также страшное, жестокое и дикое. Они будут наносить обиды и чинить притеснения слабым и даже, при случае, сильным, но сами себя в обиду не дадут. Богатство, жизнь и честь каждого члена группы, особенно же вождя, — общее достояние, которое все родичи обязаны грудью защищать. Такая верность друг другу и сеньеру — первая, священнейшая обязанность всех.

Союз может расширяться, охватывая и подчиняя (или сам образуя) другие, более мелкие замковые группы, отцы которых принесут главному сеньеру вассальную присягу, и тогда «феодальный линьяж» еще разростается, и члены его связываются тою же «квази-родовою» верностью, — и нарушение ее рассматривалось общественным мнением, как позорное предательство, как самое ужасающее преступление против чести.

Если кто посягнет на личность или добро сочлена союза (собрата) и особенно на право и достоинство вождя, все сбегаются и поднимают оружие для отплаты. Кто уклонится, будет наказан или отторгнут, осмеян и опозорен на пирах и турнирах или устами певцов в злой сатире. Так древняя родовая месть оживает в феодальном союзе с новою силою. Она

является одновременно удовлетворением одичалой совести и обеспечением личной и групповой безопасности. Такие «частные войны» между отдельными феодально-родовыми союзами носили название «файд» (faida). Они часто длились годы и десятилетия, завещались сынам, достигали большого ожесточения. Мстящие, бывало, отказывались принимать удовлетворение в виде предлагаемого выкупа, требовали непременно «крови за кровь». В эпических поэмах и песнях средневековья находим выразительные изображения файд.

Сложно разраставшиеся феодально-родственные отношения втягивали в борьбу иногда множество лиц и обширные территории; образовывались и в таких случаях бились друг с другом огромные «федерации», и «частные войны» разрушали народную жизнь, подрывая мир, труд и порядок, разжигая дикие страсти сверху до низу общества. С файдами боролись дисциплинировавшие общество силы — монархическая власть, где ей удавалось приобретать значение, церковь, взывая к религии и добрым нравам, основывавшиеся коммуны, защищая свободу и труд. Особенно интересны целые учреждения, возникавшие для борьбы против такой почти вечной войны: то были так называвшиеся — божий мир и божье перемирие.

Божий мир направлен был к защите от сеньериальных насилий известных категорий лиц и предметов: под покровительство его ставились слабые и безоружные — женщины, дети, странствующие клирики, богомольцы, также купцы с товарами, крестьяне за работой, их возделанные поля, орудия труда, скот, жилища, церкви и церковные имущества. Никто не должен был нападать на них, их уничтожать или

портить. Божье перемирие ставило под свою охрану определенные дни в году. Нельзя воевать и производить опустошения вооруженною рукою с вечера субботы по утро понедельника: освобождался от войны воскресный день. Затем пределы дней перемирия расширились: под знак его поставлена была вся часть недели от вечера среды до утра понедельника, т.-е. те дни, с которыми связаны воспоминания о страстях христовых и его воскресении. Далее включены в ту же категорию запретных для войны дней — дни рождества, пасхи, троицы, эпифании, богородичные праздники, дни поминания наиболее почитаемых святых.

Инициатива борьбы с частной войной шла от церкви — движение в пользу божьего мира и перемирия развивалось в XI веке, — и санкциею нарушения их первоначально являлась только церковная анафема. Но средство это было недостаточно: буйный земной век не склонялся перед громами небесными. Церковь стремилась прибегать к помощи светских властей — королей, крупных сеньеров, даже простых рыцарей. Образовывались клятвенные товарищества для защиты божьего мира и божьего перемирия, и члены его обязаны были принудительною силою отстаивать их соблюдение (т.-е. воевать для мира) и осуществлять репрессивные меры против нарушителей. Естественно, что коммунам важно было поддерживать установления мира; но, с другой стороны, и они, поддаваясь воинственным наклонностям и привычкам эпохи, сами постоянно действовали в разрез с требованиями этих учреждений (institutiones pacis).

Исправить то, что внедрилось в нравы, бывает нелегко сознательными усилиями немногих. Только медленно перерабатывается зло постепенно перерождающеюся жизнью, по новому группирующимися классовыми интересами, властными влияниями повелительных идей и назревавших новых культурных потребностей и идеалов. В Италии файды и вендетты наполняли всю жизнь XI и XII веков, и они потрясали ее с необычайною силою. Переселяясь или переселяемое в города феодальное рыцарство внесло этот обычай или склонность к нему и туда. Мы видели, что внутри стен их организовывались мощные союзы (consorterie) знатных, видели мы, как легко и постоянно возгаралась между ними кровавая вражда. Коммунальные власти в тех элементах их, какие представляли поднимавшееся торгово-промышленное гражданство, не могли равнодушно терпеть внедрившиеся в города произвол и насилия. Идея городского мира (pax civitatis) была одним из движущих начал создавшегося коммунального строя.

Не могло и флорентийское правительство 1216 г. отнестись пассивно к совершенному на улице города открытому злодеянию. Убийцы Буондельмонте должны были быть наказаны судом. Нельзя сказать, чтобы месть за обиду была совершенно запрещена уже тогда коммунальным правом в Италии. Но закон стремился вносить ограничения в эту опасную традицию. Требовалось исполнение определенных правил. Во-первых, обиженный должен был, прежде всего, обращаться к защите суда, — и только в случае, если последний окажется бессильным, допускалось обращение к оружию. Но и тут должно было

сначала «объявить вражду» и дождаться легального срока; затем не допускалось действовать коварными способами, строить тайные западни, убивать из-за угла; нельзя было врываться в дом противника. Устанавливалось, как кажется, нечто вроде правильной рыцарской дуэли. Конечно, принуждать к соблюдению этих правил буйную рыцарскую знать было нелегко: для этого нужно было, чтобы власть обладала авторитетом, объективною твердостью и внушительными орудиями действия; но все это именно, в большинстве случаев, отсутствовало. Даже самые коммуны поддавались феодальным привычкам и прибегали к принципу и формам вендетты при разрыве с другими городами и при столкновении с территориальными сеньерами. Всегда множество противоречивых влияний обвевает жизнь человеческих обществ, вырастает из их глубины, и часто сшибка между ними хаотизирует ее, разбивая усилия выдающихся личностей и групп, даже разбивая работу веков.

Чтобы избежать ответственности за акт кровавой анархии, какой они совершили, Уберти и Ламберти постарались дать политическую окраску делу личной и фамильной мести, в которой они приняли участие в форме дикой расправы с Буондельмонте [1]). В городе уже происходило разделение на партии. Как было упомянуто выше, Италия с XI века явилась сценою великой и долгой борьбы между двумя мировыми властями, соперничавшими из-за господства в Европе, римскою церковью (папством) и священ-

[1]) Ламбертуччо Пандольфини дельи Амидеи, как отец покинутой девицы, заслуживал снисхождения по господствующим нравам.

вою римскою империею, возглавлявшеюся германскими государями. В начале XIII века борьба затихла. Молодой кандидат на императорскую корону Фридрих II из дома Гогенштауфенов попал даже под влияние знаменитого папы Иннокентия III. Но из Германии ему был выдвинут князьями страны «контр-кандидат» в императоры — Оттон IV из баварского рода Вельфов. Так и появились первоначально две партии — «вельфов», сторонников Оттона, и «вейблингов», сторонников Фридриха: последние назывались так, вероятно, по имени городка Вейблингена в Швабии, около которого находился один из любимых фамильных замков Гогенштауфенов.

Разделение захватило, естественно, и Италию, и название обеих партий итальянизировалось, приняв форму двух слов, закрепленных историею, — гвельфов и гибеллинов. Впрочем, эти наименования вошли в широкое употребление — позже, в сороковых годах XIII века, когда самый характер партий изменился. Кандидатура Оттона скоро потеряла значение, императором стал Фридрих, и его партия в Италии, сторонники империи, приняла наименование гибеллинов. Пополнялась она главным образом в кругу феодальной знати, «верных империи», в городах и на территории. Фридрих разошелся с папою и противопоставил, как было и прежде, свои мировые притязания стремлениям римского престола к всесветному могуществу, не только в церкви, но и в области верховной государственной власти: папы рассматривали человечество, как «царство божие» на земле и себя считали призванными богом его вождями; императорство же по церковной теории — тео-

кратии — подчинялось папству, светскую власть она объявляла исходящею от церковной. В силу такого двойственного понимания противники императора, гвельфы, стали сближаться с папою и мало-по-малу образовали в Италии партию церковно-окрашенную. Так гибеллины стали опираться на императора, гвельфы на папу.

Но это было только одно из оснований разделения. Воодушевление партий питалось и другими мотивами. Гвельфы рекрутировались лишь отчасти из феодально-рыцарского дворянства; к ним присоединялись в большом числе представители поднимавшегося крупного торгово-промышленного класса, и гвельфы не столько поддерживали власть папы над страною, сколько являлись проводниками интересов последнего, а также родившейся и развивавшейся под его влиянием коммунальной свободы и еще шире (хотя бы отчасти) независимости страны — Италии — от господства государей-иностранцев и внедрения в Италию сопровождавшего их немецкого рыцарства. Папское знамя становилось скорее для них предлогом, внешним знаком соединения, чем целью политической борьбы.

Две партии, гвельфы и гибеллины, зарождались одновременно во Флоренции и в Ломбардии и постепенно покрыли всю Италию. Борьба между ними стала одною из форм воплощения раздиравших страну трагических междоусобий, нанесших ей непоправимые раны. Последние рождались и плодились, конечно, не по одним причинам мировой политики, но и вытекали из частных и местных интересов, разделявших враждою или сближавших союзом различные области и города на полуострове. Часто бывало, что

какой-нибудь город присоединялся к гвельфской лиге потому, что рассорился с прежними союзниками; или такая-то коммуна делалась гибеллинскою потому, что главный соперник ее и сосед, другой город был или становился гвельфским. Единства и последовательности в политике не было. Интересы сталкивались, настроения переплетались, обстоятельства менялись и города перекрашивались то в гвельфские, то в гибеллинские цвета.

Партийность менялась также в зависимости от того, какие социальные группы торжествовали в том или другом городе, и как вожди наиболее сильной из них определяли свои пользы и выгоды. Политическое сознание и классовые потребности, однако, часто затемнялись здесь всякого рода капризными сочетаниями фамильных отношений, местных распрей, дружбы и ненависти, солидарности и конкуренции, причудливой инициативы личных энергий, игры страстей и волевых толчков. Каждый город Италии скрывал в себе грозную лабораторию разрушительных сил, которые наносили удары социальному и культурному созиданию.

8.

Кровавая распря, возникшая во Флоренции в 1216 году вслед за убийством Буондельмонте, хотя Уберти и стремились с самого начала придать ей политическую окраску, все же разыгрывалась первоначально, как настоящая междуфамильная файда, в которой обнаружился особый разгул злых чувств мести и ненависти, расколовших на два лагеря многие и многие семьи, — и которая долгий ряд лет

поддерживала в городе опасный пожар вооруженного междоусобия.

Виллани (VI, 33) перечисляет наиболее видные из фамилий, которые, окружая Уберти, стали гибеллинами, то-есть, поддерживали власть Фридриха II Гогенштауфена, который посылал во все крупные города Италии своих агентов-подстрекателей [1]). Таких гибеллинских фамилий хроникер поименовывает 33, и к ним принадлежали все те, которые сгруппировались около Амидеи в рассказанной нами ссоре. Кроме них, в списке фигурируют другие старые и сильные дома, как Элисеи, Капонсакки, Аббати, Брунеллески, Сколари, Солданьери, Гуиди. Последние были многочисленною и предприимчивою семьею чисто феодального характера воинственных замковых господ (с титулом conti); они владели значительною частью живописной и дикой Казентинской долины в самых верховьях реки Арно, и готовы были на все для удовлетворения своей алчности и честолюбия.

Те, кто назвали себя **гвельфами**, сплотились первоначально около Буондельмонти и Донати. Их было несколько больше (около 40 фамилий). Среди них были также знаменитые и могущественные дома — Висдомини, Адимари, Пацци, Пульчи, Тосинги,

---

[1]) Помимо королевства Германии Фридрих находился во главе обширного монархического государства, занимавшего южную Италию (Неаполь и Апулию) и Сицилию. Он искусно организовал свое владение на монархический лад, подавив сопротивление феодальной знати, — и теперь стремился распространить свою власть на Тоскану и Ломбардию и так охватить с двух сторон, с севера и с юга, территорию папы, расположенную в средней Италии.

Торнакуинчи, Росси, Нерли и др. Они стремились найти еще опору в кругах крупных семейств торгово-промышленного патрициата и представляли в сумме большинство в среде правящего флорентийского общества; но гибеллины были сильнее военным опытом и крепче организованы, так что силы распределялись более или менее поровну.

Жуткую картину представляла жизнь города, вся территория которого была заселена перемешанными между собою согражданами-врагами, которые часто жили бок о бок или напротив одни других, и между которыми кипела ненависть, разгорячаемая таким тесным соседством. Все ждали удобной минуты, чтобы обрушиться на врагов ударом ненасытного мщения: под почвою, не потухая, горело злое пламя, постоянно прорываясь наружу.

Годы не ослабляли вражду, напротив, как бы разжигали ее жаждою дальнейшей расплаты. Признаки той же междуфамильной «вендетты» чувствуются в гвельфо-гибеллинских раздорах 30-х и 40-х годов XIII века. Часто изменчивая в других отношениях натура флорентийцев была очень упорна в ненависти и мести. В уличных боях клики — «да здравствуют гвельфы», «да здравствуют гибеллины» постоянно перебивались личными призывами — «за Уберти!», «за Буондельмонти!»

Происходят порою и попытки примирения, когда руки уставали рубить, сердца пылать, умы придумывать заговоры. И средства применялись все те же: пытались погасить чувства вражды брачными союзами. Так и тут в конце 30-х годов, утомленные злобою враги опять решили прикончить войну. Прозва-

тали красивую и даровитую дочь Раньери Цингани из рода Буондельмонти за Нери Пикколино дельи Уберти, сына того Скьятта дельи Уберти, который руководил расправою 1216 года. Свадьба должна была покончить с затянувшимся фамильным раздором. Первый опыт окончился неудачею, мы видели. Теперь же междусемейная распря осложнена была еще политическими страстями. Хотя, преданье рассказывает, молодая супруга любила своего храброго и умного мужа, являвшего собою образец блестящего тосканского рыцарства, но он скоро с нею расстался, отослал ее назад в родительский дом, — и вражда возобновилась с удвоенною силою. Покинутая не захотела вступить в предлагавшийся ей новый брак. Она стала монахиней в обители кларисс-францисканок, и в глубину ее кельи доходили отзвуки свирепевшей вражды и печальной участи многих родных.

Главное внимание боровшихся во Флоренции гвельфов было направлено на самых опасных врагов — Уберти, которые владели обширным укрепленным районом в самом сердце старого центра. Они стремились сосредоточить все свои силы из различных «концов» Флоренции, на захват этого сильного, хорошо защищенного гнезда. Но те зорко следили за действиями противников, как бы не продремать какой-нибудь хитрости или измены. Гибеллины не были разборчивы в выборе средств защиты. Так, в конце 40-х годов они чувствовали себя стесненными, Уберти страшились каждый день штурма своих твердынь, и они не поколебались призвать на помощь иностранного, немецкого князя, носившего пышный

титул герцога антиохийского: 30 января 1248 г. они открыли ему ворота города.

Гвельфам пришлось покинуть Флоренцию, а внутри враги расправились с их оставшимися сторонниками, с их имуществом и жилищами. Тут впервые в широких размерах стало применяться разрушение домов побежденных в качестве меры репрессии победителей в флорентийских междоусобиях, которая типично установилась впоследствии, как постоянно повторявшаяся практика.

В 1248 г. разрушено было не меньше двадцати домов, принадлежавших крупным гвельфам. О мелких источники молчат. Между ними погиб знаменитый «благороднейший» дворец Тосинги на Старом Рынке. Он сравнен был с землею, и от этого замечательного памятника архаической гражданской архитектуры, если судить по описаниям хроник, не осталось следа. Вандализм восторжествовавшей партии дошел до посягательства на общегородскую святыню — крещальный храм (баптистерий) св. Иоанна на соборной площади. Гибеллины будто бы вознамерились ниспровергнуть и его, потому что под его сводами находили приют собрания гвельфов.

Дерзнуть прямо на кощунственный акт у них не хватило смелости, но они придумали изворот. По чьему-то совету они постановили разрушить стоявшую прямо против баптистерия огромную башню в 120 локтей вышиною, которая называлась «хранителем мертвых» (torre al Guardamorto), потому что тела умерших магнатов, погребавшихся в церкви Сан-Джованни, на несколько часов, по обычаю, выставлялись на ней.

Решено было тайно подсечь ее с фундамента так, чтобы, потеряв базу и равновесие, башня рухнула вся целиком и своею массою раздавила почитавшийся всеми, для гибеллинских же вождей ставший ненавистным баптистерий. Так и было сделано, но по счастливой случайности башня свалилась вдоль площади, а не поперек ее, баптистерий остался цел и невредим. «Святой Иоанн знает, что надо делать, когда хочет», замечает хроникер Стефани, описав этот случай: «народ же, сочувствовавший гвельфам, в глубине души был очень рад и доволен». Доволен и историк: сохранился замечательный памятник и рассказан характерный факт, показующий озлобление умов.

Победа гибеллинов во Флоренции в 1248 г. связана была опять с трагической судьбой одного из Буондельмонти, именно уже упомянутого Раньери. Он прозван был «цыганом» потому, что рядом с своими рыцарскими качествами славился, как гадатель и предсказатель. Вместе с другими попавшими в плен гвельфами он был привезен к Фридриху Гогенштауфену. По настоянию гибеллинских вождей тот приказал ослепить всех знатных пленников и бросить их в море. Но Раньери воспользовался милостью, которую сторонники Фридриха называют «мудрою и великодушною»: ему подарена была жизнь, и он окончил ее слепой в монастыре. — «Таковы, морализирует Стефани, дары партийных разделений. Тот, кто решительно заявляет себя гвельфом или гибеллином, не может благополучно окончить жизнь». Он прибавляет, как бы испугавшись смелости своих слов среди всеобщего развития партийных распрей: «Бог

простит меня, если я ошибаюсь; пусть в таком случае будет так, будто я ничего не сказал».

В хрониках можно найти указания на жестокие злоключения и несчастия многих других членов тех же долго боровшихся между собою с неугасимою ненавистью поколений этих семейств. В 1267 г., например, сообщает Виллани, во время одной из стычек юноша из рода Уберти в бегстве от преследовавших его противников взобрался на колокольню какой-то церкви, и когда, окруженный врагами увидел, что спасения нет и придется попасть в руки недругов — Буондельмонти, он бросился на землю и разбился на смерть.

Передаются и романтические эпизоды из перипетий этой братоубийственной борьбы. Память о них сохранялась в семейных летописях; предания украшались литературно новеллистами и потом являлись сюжетами интересных рассказов или песен на собраниях во дворцах знатных и на народных праздниках. Один из подобных случаев в таких красках закреплен флорентийскою литературною традициею.

Благородный юноша из той же фамилии Буондельмонти нежно любил красавицу девушку Дионору из рода Барди. Он пользовался взаимностью, но ее семья была в давней вражде с Буондельмонти, и родители резко противились союзу. Но молодые оставались верны своей привязанности и решили ждать в надежде, что наступят более счастливые времена, когда им удастся соединиться. Они виделись только тайно. Раз ночью, когда Буондельмонти по шелковой лестнице, прикрепленной к окну комнаты возлюбленной, пытался взобраться на свидание с Дионорой,

его увидел издали во время обхода города начальник стражников, окруженный отрядом блюстителей порядка. По законам того времени во Флоренции после вечернего колокола (этот звон назывался — «закрой огонь», coprifuoco) можно было выходить из домов только имея специальное разрешение властей. Юноша собрался бежать, чтобы не навлечь неприятности на свою милую, но лестница оборвалась, он упал и оказался в руках у сбиров. Спасая честь Дионоры, он объявил, что влезал в окно с целью воровства. Как ни удивительно показалось такое признание, но верховный судья (подеста́) в виду его упорства при таком толковании поступка вынужден был приговорить его к смерти, по всей строгости действовавшего закона. В виде особой милости осужденный выпросил разрешение, чтобы по дороге на казнь его провели мимо дома Барди, на что он и получил согласие. Буондельмонте надеялся, вдруг удастся ему еще раз встретиться глазами своими с очами Дионоры, проходя мимо окна, откуда она не раз награждала его сладостною улыбкою. Когда Дионора увидела зловещее шествие, сердце ее поняло, в чем было дело. Она бросилась к ногам исполнителя приговора и рассказала ему всю правду. Собралась многочисленная толпа, которая потребовала приостановки казни. Юношу и девушку повели к судии; тот, узнав ошибку, отменил приговор, а растроганные родители забыли свою вражду; семьи Буондельмонти и Барди примирились, и молодые люди соединились браком.

Литературная обработка стремится смягчить историческую действительность. В последней все происходило в более суровых формах, и фамильная вражда

поддерживалась из года в год, из поколения в поколение. Еще относительно 1278 г. мы имеем указание, что кардинал Латино, посланный во Флоренцию папою в качестве «примирителя» партий, требовал от Уберти и Буондельмонти, чтобы они прекратили вражду и заключили союз. Но сыновья упомянутого выше Раньери Цингано деи Буондельмонти (это уже представитель по меньшей мере третьего, может быть, даже четвертого поколения длившейся «файды») отказались наотрез от примирения — даже отлучение от церкви и изгнание не сломило ожесточенной воли.

Фамильная вендетта смешалась с борьбою политических партий, а последняя выражалась не только в форме внутренно-городских междоусобий, но и в виде войн между городами, распадавшимися на гвельфские и гибеллинские союзы. При распределении их часто действовали мотивы конкуренции между коммунами. Экономические соперники Флоренции в торговле, тосканские же сильные города Сьена и Пиза (также замечательные по своим памятникам свидетели итальянской культуры в средние века и в эпоху возрождения) почти всегда окрашивались в гибеллинские цвета. Клубок кровопролитных конфликтов рос и запутывался.

Флоренция почти всегда оставалась гвельфскою. Ей приходилось претерпевать от гибеллинов только временами неожиданные удары, также в значительном числе случаев объясняемые внутренними раздорами и предательствами. Гибеллинская победа в 1248 году, о которой говорилось выше, утвердили их господство не надолго. Скоро город оказался опять в руках гвельфов, — и гибеллины подверглись изгна-

нию и репрессиям. Но изгнанные энергичные и озлобленные их вожди интриговали против родины, коварно устраивали против нее вооруженные коалиции из других городов, поджидая удобного момента для возвращения и мести.

Около десяти лет (1250 — 1260) жизнь слагалась во Флоренции сравнительно спокойнее. Демократические классы, то-есть, те группы, которые так назывались тогда «popolani», в противоположении к «magnati» (знатным рыцарям), — именно торгово-промышленные ассоциации, наиболее крупные по значению, приобретали все больше влияния в конституции, оттесняя феодальное дворянство. Под ними организовывались и «младшие цехи» (arti minori), которые сатирически назывались во Флоренции «тощим народом» (popolo minuto) в различение от наиболее богатых корпораций—«жирного народа» (popolo grasso), — и они также претендовали на участие во власти.

Но не дремали и гибеллины-изгнанники. Между ними действовал особенно настойчиво и упорно Фарината из того же рода Уберти, весь проникнутый политическою ненавистью и честолюбивою страстью человек. Ему удалось подвинуть на войну против родного города Сьену и ее союзников; флорентийцы, раздраженные происками, поддавшись подстрекательству врагов, неосмотрительно ринулись в бой, недостаточно обеспечив себя силами, своими и союзными, из других гвельфских городов.

Военное искусство в коммунальной Италии не стояло тогда высоко, и состав войск был пестрый и не согласованный. В ход пускались рыцарская конница и пешие милиции коммуны; вооруженные от-

ряды союзников плохо сговаривались с основным ядром войска. Часто присоединялись наемные вспомогательные отряды с профессиональными полководцами во главе, избравшими военное дело своим ремеслом. Таких странствующих специалистов военного дела называли «кондоттьерами». Между ними выдвигались талантливые военачальники; но морально и общественно они стояли вне связи с государствами или коммунами, которым служили; они легко превращались в искателей приключений, делателей собственного счастья. В случае неудач они предавали тех, с кем вместе сражались за деньги, в случае успеха иногда захватывали власть в свои руки, становясь местными тираннами.

В данном случае верховным покровителем сьенских гибеллинов являлся король Сицилии Манфред Гогенштауфен, сын Фридриха II, умершего в 1250 г. Он прислал в помощь их войску сотню немецких всадников, которые могли служить скорее символом его поддержки, чем реальною военною силою. Но войско самих сьенцев было, повидимому, хорошо сплочено и крепко организовано, и во главе его стояли умные и осмотрительные начальники.

У флорентийцев было около 30.000 вооруженных людей, но они были плохо подготовлены и мало спелись. Война, однако, была решена и объявлена. Раздался звон «мартинеллы». То был особый «колокол войны». В мирное время он висел под аркою в церкви св. Марии у Капитолия. Звук его должен был быть известен каждому гражданину. Когда он гулко звучал над городом, не умолкая день и ночь, все военнообязанные должны были спешить вооруженные

к сбору. Кто не отвечал на зов, признавался обесчещенным и подвергался суровому наказанию, как изменник отечеству. При выступлении мартинелла водружалась на деревянной башне, ставившейся на колесницу, которая двигалась во главе войска, и при начале боя ее воинственный глас воодушевлял и объединял сражающихся.

Еще оригинальною особенностью или принадлежностью внешнего снаряжения флорентийской армии было так называемое карроччо (il carroccio). Это была также колесница, являвшаяся как бы движущимся воплощением города-коммуны. Она также строилась вроде башни с четырехколесным ходом. Вся она окрашивалась в красный цвет. Ее увенчивали две мачты, на которых развевалось бело-красное знамя коммуны. Передвигалось карроччо помощью пары быков, высоких и сильных, которые покрывались также красною тканью. Быки эти содержались с почетом, почти как священные животные, и на них не налагалось никакой иной работы. Возница карроччо избавлялся от всяких налогов и повинностей. В походе карроччо следовало за мартинеллою, окруженное особо доверенною стражею. Оно сопровождалось священником, который должен был оказывать религиозную помощь раненым и торжественною молитвою вдохновлять к победе. Там, где останавливалось карроччо, устраивалась ставка военачальника и помещался, так сказать, его штаб. Здесь был центр лагеря, орган связи всего войска; оттуда давался приказ к началу битвы; это было как бы седалище души ополчения. Взятие карроччо неприятелем было знаком разгрома флорентийской армии. Своеобразно

рисуется такое влияние обрядового начала в организации военного дела.

В первых числах сентября 1260 года подступили союзные гвельфские силы к Сьене и расположились у реки Арбии близ замка Монтеаперти. Городу предложено было сдаться; но Фарината дельи Уберти воодушевил всех к борьбе, и гибеллины неожиданно ударили на гвельфов. Первый же натиск был удачен для них; в войске флорентийцев произошло замешательство; большое число скрытых гибеллинов, оказавшихся в нем, перешло на сторону врагов. Вся армия была охвачена паникой; союзники обратились в бегство; небольшое храброе и патриотическое зерно войска погибло или попало в плен. Две тысячи пятьсот трупов покрыли поле битвы. Полторы тысячи были взяты в плен. Данте жалуется в X песне «Ада», с ужасом вспоминая «страшную резню, окрасившую Арбию в багровый цвет». Поражение было полное. Захваченное карроччо с триумфом было протащено победителями по улицам Сьены, опрокинутое, и знамя волочилось в грязи.

Флоренция осталась беззащитною, и враги через несколько дней вступили в город. Наиболее видные из остававшихся гвельефов покинули родину; имущества их были конфискованы, дома разрушены; подозрительные в сочувствии к ним подверглись жестоким репрессалиям, новая грозная буря потрясла коммуну. Жажда мести гибеллинов не имела пределов. На совещании их вождей выставлен был план разорить Флоренцию до конца, уничтожить все монументальные здания, свалить стены, выселить жителей, превратить великий город в жалкий поселок.

Но тут поднялся возмущенный голос Фаринаты дельи Уберти. Он боролся за то, чтобы лучшие (разумея под таковыми членов своей партии) вернулись во Флоренцию. Но целость родного города он будет защищать мечом до последней капли крови. Разгневанный он покинул собрание. Остальные гибеллинские вожди не осмелились итти наперекор одному из самых влиятельных в их среде: существование Флоренции было спасено. Когда Данте в «Божественной Комедии» изображает свою встречу с Фаринатой в подземном царстве, тут он влагает в уста того горделивые слова: «Я был один, когда все замышляли уничтожить Флоренцию; только я открыто ее защищал». Глава мятежного против отечества рода Уберти будто забыл все зло, которое он причинил своему городу; совесть его успокаивалась на том, что он восстал против безумного плана, который не мог не вызвать негодования во всяком трезвом уме и здоровом сердце.

Такими опасными волнами, бурными приливами и глубокими отливами полна была вся история Флоренции — да и других итальянских городов — в течение всего XIII века, потом и XIV-го: не устанавливалось спокойного хода жизни. И все-таки из недр мощного организма города выростали все новые силы: труд создавал богатства, гений расы, воплощаясь в замечательных личностях, рождал все новые духовные ценности — науки, техники, поэзии, искусства, отыскания смысла жизни. Но предстояли еще тяжелые испытания, борьба добра со злом, разлив корыстных страстей.

Главною, всеобщею бедою была война, внутренняя и внешняя, пожиравшая силы, разжигавшая

взаимную ненависть, не творившая никакого прочного блага. Катастрофа у Монтеаперти была последним успехом гибеллинов во Флоренции. Их господство удержалось там до 1267 года. В день пасхи в этом году гвельфы вновь и уже навсегда овладели городом. Виллани (VII, 15), сообщив об этом, размышляет: «следует заметить, что это изгнание гибеллинов произошло в такой же день пасхи воскресения, в какой они совершили (полвека тому назад) убийство господина Буондельмонте деи Буондельмонти, отчего открылось во Флоренции разделение на партии и начались смуты в городе, испортившие его жизнь, и, мне кажется, то было божьим судом, что они больше никогда не вернулись ко власти».

Утверждение гвельфов во Флоренции привело к изменениям во внутреннем устройстве города. Конституция коммуны, развиваясь, все стесняла (по крайней мере, формально) политические права рыцарской знати и все расширяла права «гражданства», вводя в число участвующих в правлении групп вслед за старшими также членов «младших цехов» (arti minori). Самоуправление принимало все более демократические формы по понятиям того времени. В 90 годах XIII века союзом всех цехов знатные (nobili, magnati, cavalieri) были даже совершенно лишены права участвовать во власти. Это знаменовало очень значительное перерождение общественной структуры. По терминологии нашего времени этот постепенно совершившийся, не без революционных вспышек, переворот можно назвать водворением у власти крупной и средней буржуазии, торгово-промышленных классов, опиравшихся на капиталистически

организованные, хотя еще в сравнительно элементарных формах, производство и обмен обработанных предметов [1]).

Трудовые классы в истинном смысле слова оставались в подчиненном положении; но участие их во всех социальных и политических судьбах коммун становилось все заметнее и необходимее. Не следует только понимать совершавшиеся перемены слишком резкими. Под новыми формами сохранялось много пережитков старины. Побежденные магнаты научились приспособляться к новым условиям: они уже раньше занимались промышленными предприятиями, особенно же денежным торгом; теперь они проникали в цехи, записывались в число их мастеров и вновь пробивались к власти. Затем внутри цехов, старших и младших, происходило разделение и соперничество, и такая борьба между ними шла порою на пользу рабочим классам, в поддержке которых спорившие нуждались.

Во всяком случае, не смотря на внешние войны и внутренние раздоры, благоденствие города поднималось, и улучшалось его благоустройство. Это становилось заметно по его внешнему виду. Улицы стали моститься и освещаться, дома строиться просторнее, прочнее и красивее. Через реку (еще до 1250 года) переброшены были два новых моста. Один получил название по имени руководившего

[1]) В первых двух томах замечательного труда В. Зомбарта, «Современный капитализм» (перев. с последнего немецкого издания, Ленинград, «Путь к знанию», 1924), найдем блестящую картину происхождения нового хозяйства в средние века.

постройкою правителя (подестà)—ponte Rubaconte (впоследствии он был назван «мостом благодати»); другой носил характерное наименование «моста для обозов» (ponte alla carraia). Очевидно, расширялась потребность перевозки товаров через Арно и вообще сношений между живущими на обоих берегах реки [1]). Сильно выростал и самый город, разливаясь по обоим берегам Арно, появились и быстро множились улицы за второю стеною XII века, и в конце XIII уже потребовалось построение новой, третьей, обширной ограды. В заарнском городе она живописно стоит до сих пор, а в северной бо́льшей части Флоренции ее прежнюю линию обозначает сомкнутая дуга бульваров, разведенных на ее месте, когда она уже во второй половине XIX в. была снесена за ненадобностью, но с нарушением старой, исторической живописности и красоты. Территория, охваченная этою третьей стеною, была вчетверо обширнее, чем та, которая опоясана была второю, и в десять раз больше той, которая покры-

[1]) Замечательно, что инициатором постройки ponte alla carraia была монашеская конгрегация «умилиатов», занимавшаяся выделкой сукон. Недалеко от этого моста на берегу Арно около их обители находились мастерские монахов. Они нуждались в удобной и близкой переправе. они же, говорят, научили флорентийцев ремеслу, в котором те позже прославились. Интересно отметить характерную особенность флорентийских мостов: они часто застраивались по бокам. Так, «Старый мост» до сих пор представляет настоящую улицу, окаймленную домишками, лепящимися по его краям, нависшим над водою. На нем в средние века торговали мясники, нынче ювелиры. Мост Рубаконте, теперь совсем открытый, прежде был также застроен: на нем упоминаются дома, часовни, даже два маленьких монастыря.

валась римскою Флоренциею. Она представляла с окружающих холмов внушительное зрелище с своими сомкнутыми стенами и их 68 башнями, не считая многочисленных частных, поднимавшихся внутри города.

Но особенно украсился город замечательными, первыми по истине художественными общественными зданиями. Первый монументальный правительственный дворец (palazzo del podestà) появился во Флоренции в 1250 годах. Он был воздвигнут против старейшего в городе монастыря (Badia fiorentina) на месте восточной римской стены и предназначен был для пребывания подесты, верховного судии коммуны. Это был величественный мрачный замок, построенный из мощных камней, с зубцами и бойницами и высокою башнею на одном из углов. Это была еще крепость средневекового типа, но в ней уже чувствовался замысел строгой художественной красоты. Многие итальянские города сохранили до сих пор свои старые правительственные дворцы (слово «ратуша» как-то чуждо звучит для их перевода), — и они, возвышаясь на центральных площадях, часто стоя напротив древних соборов и рядом с другими давними колоритными общественными зданиями, рисуют выразительную картину жизни прошлого.

Когда в 1282 году утвердилась во Флоренции вторая «демократическая» конституция (secondo popolo), во главе которой стал «совет приоров», избиравшихся цехами, — для них не существовало еще постоянного официального местопребывания; они заседали в высокой башне (torre del Castagna), принадлежавшей монастырю Марии, в самом центре старого города.

Она цела и ныне, и к стене ее прибита мраморная доска, с вырезанными на ней словами из хроники Дино Компаньи, который рассказывает, что правительство приоров должно было там неотлучно находиться, — не только править, совещаться и принимать, но также есть и спать, находясь все время в распоряжении избравшего их гражданства и сносясь с внешним миром только через герольдов бумагами либо приказами, громко выкрикивавшимися по улицам специальными правительственными глашатыми.

Но достоинство разбогатевшей и усилившейся коммуны требовало построения соответствующего правительственного здания. В самом конце XIII века (1298 г.) решено было очистить от развалин разрушенных жилищ изгнанных главарей гибеллинских Уберти, их родичей и союзников, Форабоски, Вакка и других, обширного пространства земли в старом городе, недалеко от реки и старого моста. Так образовалась новая площадь, ставшая с тех пор средоточием политической жизни коммуны: она названа была площадью господ, то-есть, именно приоров (piazza della signoria). На восточном краю ее был заложен тогда по планам знаменитого зодчего Арнольфо ди Камбьо огромный замок-дворец для них же, palazzo dei priori. Он строился долго; он тоже похож на средневековую крепость, но высокое искусство, великая сила новой Флоренции, ярко сияет на нем рядом с незыблемою мощью военной твердыни.

Здание дворца — он теперь всегда именуется «Старым» (palazzo Vecchio) — блистательно красит зна-

менитую площадь, один из самых замечательных монументальных комплексов Италии. Над его колоссальным телом высится башня в 50 локтей, возведенная смелым строителем с изумительным мастерством над фундаментами прежнего сооружения того же рода, венчавшего дом фамилии Вакка. Это прозвище (Vacca) значило, — «корова», и флорентийцы, когда слышали звук водруженного на вышке дворца коммунального колокола, шутливо говорили друг другу: «мычит корова». Но грозный голос скорее должен был напоминать (он раздавался в опасные моменты) рыканье льва, изображение которого (il marzocco) со щитом и гербом Флоренции было поставлено у ворот этого нового центра властвования.

Самочувствие выросшего флорентийского гражданства не удовлетворилось основанием одного великого памятника своего процветания. Предпринята была грандиозная перестройка старого кафедрального епископского храма Репараты. Задумано было построение такого собора, который затмил бы величиною и величием другие церкви Италии. Дело поручено было в то же время тому же художнику, Арнольфо ди Камбьо. Он начал работу, но не успел закончить ее. Собор строился до 1421 года (больше ста лет!) и завершением его был гигантский купол, созданный гением Филиппо Брунелески. Возвышаясь ныне над городом, он как бы объединяет его, дает ему архитектурную душу. Тогда это было истинное чудо творчества. Гений из гениев в искусстве, Микеланджело, впоследствии приходил в восторг от этого произведения зодчества. Им он вдохновлялся, когда задумал сам увенчать куполом новый строившийся под его руковод-

ством собор Петра. Ему приписывается сложившееся по данному поводу следующее двухстишье:

Еду в Рим и украшу его тебе новой сестрою [1];
Больше будет она, но тебя не превысит красою.

Новый соборный храм был посвящен богоматери и получил название «св. Марии с цветком»: она как бы благословляет ту лилию, от которой произошло имя Флоренции (Fiorenza — цветущая) и ее герб (santa Maria del fiore). Рядом с собором, несколько позже (в 1330 годах) вознеслась к небу изящно-стройная беломраморная колокольня (il campanile) по планам знаменитого живописца Джотто, который хотел подарить своему городу и архитектурный памятник. Башня вместе с собором составили великолепное органическое целое.

Город и дальше продолжал роскошно застраиваться: старая суровость понемногу смягчалась богатым и тонким убором. Это была блестящая пора; такая раздается хвала из уст хроникеров и поэтов, — пора процветания труда и довольства, расширения образованности, начало блестящего расцвета всех искусств и художественного слова.

9.

Так говорят свидетели-современники, то же повторяют голоса и следы прошлого. Когда талантливый летописатель и флорентийский патриот Джованни Виллани (его уже приходилось несколько раз цитиро-

---

[1]) Автор обращается к флорентийскому куполу: по-итальянски la cuppola — женского рода.

вать выше) прославляет эти годы, как светлые и радостные для Флоренции, он в числе признаков утверждаемого им благополучия всегда выставляет мирное житие. Без мира, конечно, не могло упрочиться счастливое состояние; особенно не могло оно охватить жизнь всего населения, народных трудящихся масс. А изображать цветами мира историю Флоренции на повороте от двухсотых лет до трехсотых значит—надевать слишком розовые очки на глаза свои и читателей. Именно мир не внедрялся в стены коммуны и не окружал их живительной атмосферой покоя и досуга, необходимых для укрепления и развития производительного и творческого труда.

Данте беспристрастнее и правдивее сравнивает родной город с тяжко больным человеком, который страдает невыносимыми болями и, не находя себе места даже на мягком ложе, мучительно ворочается с одного бока на другой, без облегчения; или он еще уподобляет Флоренцию кораблю без кормчего, носящемуся по воле опасных волн. Сам поэт горько познал на собственной участи, что значат бедствия войны и междоусобий.

Не прекращались (разве на короткое время) вооруженные столкновения между Флоренцией и соседами—то Пизой или Сьеной, то Пистоей или Ареццо. Надо было неусыпно держать себя на сторожe. И внутри обострялась опять социальная борьба между слабеющим классом земельной знати и поднимающимися все сильнее и выше крупными и сильными торгово-промышленными цехами. Последние овладевали все шире верховною властью в республике: магнаты к концу века оказались решительно исключены из

участия в правлении: им грозили чрезвычайные законы, на них обрушивались террористические мероприятия правительства «пополанов». Они не складывали рук, устраивали заговоры, придумывали обходы, и страсти разжигались, как раньше.

Наконец, жестокие распри проникли в организацию господствующей гвельфской партии: гвельфы раскололись на двое в силу перерстававшегося соперничества и все вновь разгоравшейся ненависти между возглавлявшими их и примыкавшими к тем фамилиями. Образовались внутри две враждующие группы — белые и черные. Последние вмешали в междоусобную борьбу папу, даровитого, пламенного и смелого, но жестокого и коварного Бонифация VIII, который сам добивался власти над Флоренциею. Главари черных предали город в руки вооруженным силам иностранного, французского принца, Карла Валуа, искателя трона; побежденные же белые должны были заплатить за поражение изгнаниями, потерею имущества, потерпеть преследования, казни.

В числе лишенных родины превратностью судьбы оказался в 1302 г. и мировой поэт Данте. Благороднейший человек, полный бескорыстия и величия, честнейший гражданин, отдававший труд благу города, он был клеветнически и злостно обвинен в измене и казнокрадстве. Его приговорили вместе с единомышленниками к вечному изгнанию с угрозою смерти на костре, если он дерзнет самовольно вступить во Флоренцию. Далеко отлетел мир от славной республики на берегах Арно.

Между тем его жаждали все, во всей Италии. Больше всего война вредила благу и быту трудящихся

масс, обездоленного, зависимого, бесправного населения, особенно сельского, так как столкновения вызывались интересами правящих классов и групп. Поля крестьян постоянно вытаптывались, жилища сжигались, жалкое имущество грабилось воевавшими господами. Но и в городах рабочие мастерские разорялись бесчинствами вооруженных отрядов врывавшихся чужих и своих врагов. Мир был нужен, как воздух, для процветания труда и дальнейшего развития культуры.

Еще в средине XIII века (в 30 годах) вопль о мире принял под влиянием настроений эпохи характер исступленно-страстного народного движения с окраскою религиозного фанатизма. Толпы оборванных, голодных людей ходили из города в город, бичуя себя и друг друга, оплакивая всеобщие грехи, взывая к покаянию, требуя положения оружия, провозглашая братство и мир. Страшная волна охватила широкие пространства в Италии — Ломбардию, Венецию, Романью, Тоскану, Умбрию, спускалась до Рима.

Будто порывы безумия, отчаянья и вместе надежды охватили страну. Большими массами стекались бедняки из сельских местностей в города, мужчины и женщины, юноши и девы, старцы и малые дети, с хоругвями и песнопениями, ветвями дерев и зажженными свечами. Утром, в полдень и вечером собирались они на площадях и в церквах, слушали слово вдохновенных проповедников. Болезненное возбуждение заражало людей всех сословий и состояний, знатные и богатые примыкали к нищим и простым в едином, неудержимом вожделении, в искании — прощения, забвения зла, насаждения добра. Все бра-

тались между собою, предвкушая блаженство, давно желанное и жданное, — и восторженные возгласы «мир, мир (pace, pace!)» звучали изо всех уст, как клич к утверждению нового строя.

Писатели того времени изображают необычайные картины этого движения: «В них (т.-е., в странствовавших толпах) не было ни гнева, ни ненависти, никакой смуты, обмана или мести. Все совершалось ими с благожелательством и миром. Можно было повторить пророческие слова: преданы забвению прежние беды, они сокрылись от наших очей. И неудивительно: они утолили жажду вином милосердия, сладостного покоя, вкусив которого смиряется всякая плоть». Этот мир, которого алкали, к которому призывали, рисовался не только, как душевное искупление, но и как социальный переворот: чтобы не было войн, прекратилось взаимное утеснение, утвердились нормальные отношения между классами.

Подобные массовые социальные движения, освящавшиеся религиозными чувствованиями, поддерживавшиеся многочисленно зарождавшимися сектами, повторялись в ту эпоху не один раз, знаменуя громадную потребность всего населения, но принимая стихийный характер, своеобразно воплощавшийся в настроениях и нравах эпохи. Две самые сильные волны такого рода поднимались в Италии в 30 и 60 годах XIII века, и они оставили глубокий след в литературе и народных воспоминаниях.

Но тяга к миру и проповедь его занимали и сознательные стремления политиков и мыслителей века. Вновь избранный императором на съезде князей-курфюрстов во Франкфурте на Майне в 1308 г. Генрих VII

из второстепенных князей Люксенбургского дома был искренне воодушевлен идеею «всеобщего вечного мира». Со знаменем мира в руках спустился он с Альп в Италию в 1310 г., провозглашая его девизом своей власти и приглашая всех, всех сплотиться под его покровительствующим зовом.

Манифест императора сопровождался целым литературным течением «идеологов мира», церковных и светских писателей. Из их сочинений — хроник, юридических трактатов, проповедей, посланий, стихов можно было бы построить целую теорию мирного бытия государств и народов. Здесь раздаются голоса богословов, народных проповедников, теоретиков политических учений и практических деятелей, поэтов и простых народных вождей. Сам папа Климент V, признавая власть нового правителя, приветствовал Генриха в торжественном послании, как «царя миротворца», восставшего перед народами по благодати божьей.

Новому императору шло навстречу благоприятствующее его целям течение, дышавшее верою в наступление новой эры. Пронесся по истерзанной внутренними распрями стране, раздираемой на части собственными междоусобиями и честолюбивыми предприятиями иноземных властителей, поток духовного подъема, будто бы суливший общее обновление. По градам и весям ее опять ходили прорицатели, вещали о наступлении счастливых времен. Снова шествовали воодушевленные толпы, взывали к замирению и братству. Рассказывали о чудесных видениях и знаках на небесах. Через весь полуостров словно прокатился трепет радостного и вместе с тем грозного

ожидания. Откликнулось на возбужденное настроение масс и слово образованных людей также из Италии.

Раздался и голос Данте, изгнанного из родного города Флоренции и скитавшегося по стране, отыскивая приюта. Он больше думал о бедствиях ее, чем о собственных несчастьях, искал мира и теперь возрадовался надежде на его наступление. При вести о прибытии Генриха VII он выпустил три политических послания, которые, он надеялся, помогут объединению всех общим энтузиазмом. Первое обращено было к правителям и народам Италии. Оно проникнуто чувством, что вот исполняются светлые времена, дышит счастьем за будущее, сдерживаемым лишь печалью за еще противоречащую ему действительность. Тон письма напоминает библейские пророчества, но смягчается струею глубокой любви. Автор ощущает себя перед зарею солнечного дня. «Мы, давно странствующие в пустыне, увидим долгожданную радость. Восходит светило, приносящее мир, и справедливость, завялая, как цветок, лишенный солнца, снова пышно распустится, лишь заблестит его первый луч»... Пусть устрашатся любящие неправду, но утешатся добрые и раскаявшиеся. Пусть не боятся за независимость Италии: настанет ее свобода от власти нечестивых. «Жених твой, Италия, спасение мира и племени твоего, благостнейший Генрих, славный Август и Цезарь, грядет на брачное торжество. Высуши слезы свои, сотри следы скорби, прекраснейшая! Он прогонит мечом своим всех злых и даст виноградник свой новым работникам, которые принесут плод справедливости во время сбора». Идея мира (pax) сочетается в уме поэта с образом

справедливости (iustitia): правый суд вместо войны, равный для всех без различия наций и сословий.

Главным противником замирения Данте видел свой родной город и его заправил. И второе письмо его направлено к «преступнейшим флорентинцам». Злосчастная Италия, отданная в жертву многих господ, управляемая корыстными людьми и партиями предателей, — сам поэт отказывается от принадлежности и к гвельфам, и к гибеллинам: все должны быть заодно — Италия бросается и треплется волнами и бурями без направляющей руки. Бедствия Италии невыразимы словами, и только слабо мерятся они реками проливаемых ее жителями слез. Флорентийцы — главные виновники несчастий. Они забыли все законы, божеские и человеческие, в слепой гордыне и дикой корысти. Они безумно хотят отделиться от единства мира, возглавляемого Римом (Данте еще верил в это)... Пусть они не надеются на крепость стен своих, когда прилетит страшный орел, которого дух божий несет через моря и горы. Они мечтают спасти путь лживой свободы, а впадут в темницу настоящего рабства. И автор чертит врагам - соотечественникам ужасную картину предстоящих им бедствий, напоминая самые мрачные в истории примеры гибели народов, наказанных за грехи и преступления справедливой десницею. Идет вождь, жаждущий не своего, а общего блага. Покайтесь или повержены будете во прах!

Данте не сомневается в успехе дела Генриха VII и влагает в его планы свои идеалы: единство, свободу, справедливость и мир. Он только волнуется нетерпением. Нельзя медлить: надобно тотчас же сокрушить Флоренцию, дикую волчицу, т.-е., ее худых правителей;

они стали в центре врагов императора, несущего мир. Он должен разбить гнездо изменников и спешить в Рим, возложить на себя венец Августов, сплотить мир.

Поэт-гражданин обращается в конце-концов, к самому императору с пламенным словом, полным восторга и пылкой энергии. Генрих должен быть посланцем бога и разрушителем дела дьявола, восстановителем правды. Когда он, преемник Цезаря и Августа, подошел к хребтам, возвращая Италии знамена славного Рима, тотчас же замолкли стенания, остановились потоки слез и вместе с восходом желанного солнца вновь зажглось в сердце страны надежда на лучшие века. Вспоминаются тут гимны Вергилия, древнего римского поэта, которого он почитал, и который тоже верил в блага римского единства. Данте мечтал о восстановлении империи Августа в той идеализированной концепции, которую он сам себе построил, не считаясь с историей и действительностью.

Генрих задержался на севере Италии, где уж встретил затруднения и противодействие. Данте побуждает его к решимости: Поспеши завершить подвиг свой! Не Ломбардия с Лигурией, даже не Европа определяют концы власти римского императора: территория его ограничивается лишь Океаном. Август правил миром, и Христос своим пришествием на землю в его время освятил праведность его державы. Стыдно для Августа, нынешнего преемника которого ожидает весь мир, замыкаться внутри тесной области. Гляди вперед! Данте вдохновляет Генриха примерами классических доблестей. Раздави самую опасную гидру зла, черную Флоренцию! Автор тут вновь осыпает коварную и жестокую изменницу горькими обли-

чениями. Это — змея, жаждавшая ядовитым жалом умертвить мать свою — Roma. Если сокрушено будет ее злое правительство, все города изъявят покорность.

Античные образы переплетаются с библейскими в символах, которыми поэт, гражданин строимой им в мечтах мировой родины, убеждает колеблющегося императора. «Не медли больше, новое семя исаево, воспламенись верою; порази Голиафа из пращи твоей мудрости камнем сил твоих, ибо от падения его ночь и мрак ужаса покроет лагерь филистимлян. обратятся они в бегство, и свободу получит Израиль. И тогда отнятое у нас наследье, которое мы безутешно оплакиваем, будет нам возвращено в целости. И как мы, изгнанники в плену вавилонском, предаемся стенаниям, — так вновь став гражданами и обретя покой в мире, мы в радости излечим все раны».

События обманули иллюзии Данте. Генриху с трудом удалось короноваться в Риме. Враждебные силы окружили его. Папа также скоро повернулся против него. Средства противников накоплялись. Осада Флоренции окончилась неудачей. Постигшая Генриха неожиданно смерть в августе 1313 г. избавила его от дальнейших разочарований: но и дело замирения умерло вместе с ним. Италия осталась сценою непрекращающихся войн и раздоров, кровопролитий, заговоров и измен.

Природные бедствия присоединились к политическим и социальным. В сороковых годах XIV века свирепствовала в Италии, как во всей Европе (в частности, и в России), пришедшая из Азии «черная смерть». Чума, налетевшая на страну после нескольких лет голодовок, от расстройства хозяйства, нанесла стране жесточайшие удары.

Флоренция была страшно испытана эпидемиею. Джованни Виллани, сам погибший от чумы, успел начертать несколько мрачных картин ее начинавшихся ужасов. Другой летописатель Маркьоне ди Коппо Стефани в бесхитростных словах дал ее потрясающее описание. Боккаччо в предисловии к своему «Декамероне» также оставил нам жуткое изображение беды.

Болезнь выражалась в нестерпимом жаре, опухолях, черных пятнах, кровоизлияниях. Кто прикасался к больным, даже кто трогал что-нибудь из их одежды, непременно заражался сам и разносил дальше смертельный яд. Даже домашние животные принимали и передавали контагий. Паника охватила население. Потому-то от заболевших убегали даже близкие, и они бросались без помощи в зачумленных домах, на улицах, повсюду. Это только увеличивало смертность, заразу: выздоравливавших почти не было. Закрылись лавки, цены на все насущные продукты страшно возрасли; только немногие смельчаки за высокую плату соглашались убирать трупы, сваливая их сотнями в глубокие ямы, еле прикрывая их тонким слоем насыпанной сверху земли. Одни бежали из города, разнося болезнь в окрестности, другие в отчаянии вином и весельем стремились залить страх и тоску («пир во время чумы»).

Только мало-по-малу встрепенулись власти, стали принимать меры предосторожности; но их приходилось придумывать из головы: медицинское искусство стояло низко, зло, с которым приходилось бороться, было ново и, казалось, непобедимо. Надо было изолировать больных, хоронить умерших, запрещать продажу и употребление вредной пищи, искать лекарства, преследовать грабежи и преступления, размножавшиеся в

общей смуте, успокаивать волнения. Появились группы добровольных самоотверженных братьев и сестер милосердия; богатые собирали и жертвовали средства на борьбу с бедою, возникали целые благотворительные союзы, которые посвящали себя уходу за больными.

Чума косила свою страшную жатву во Флоренции целых пять месяцев от апреля до сентября 1348 года. Прекратилась болезнь скорее всего, так сказать, от самопрививки, от ослабления силы ее яда, чем от принимавшихся мер, так как в этом смысле люди бродили во тьме. Мало-по-малу стало успокаиваться население, возвращаться на свои места, приниматься за обычный труд, входить в рамки нормальной жизни. Но нелегко было оправиться от удара. Погибло, по самым умеренным расчетам благоразумных свидетелей-современников, не менее трех пятых жителей города, то-есть, около 50.000 душ, если признать правильным, что население Флоренции поднялось к средине XIV-го века до 80.000, как сообщает Маттео Виллани, продолжатель исторического труда погибшего брата. Все было приведено в расстройство, рухнуло много крупных состояний, потрясены были условия жизни трудящихся, надобно было вновь налаживать все существования.

Ум, энергия и труд победили последствия пронесшегося жестокого урагана. Поднялось и утвердилось напряжение производств, заработали руки и мастерские, с новою силою зацвели привычные ремесла. Человеческие воли способны победить природные бедствия или оправляться от них. Флоренция возвратила себе необходимое благоустройство; но непреодоленными оставались прежние социальные опасности, внешняя и

внутренняя классовая вражда. Предстояли еще долгие борения.

Восстановилась и напряженная умственная деятельность. К концу того же грозного 1348 года открылся во Флоренции университет (studio generale). Он скоро приобрел славную известность и составил новую притягательную силу, свободно тянувшую в город жаждующих знаний юношей. Университет явился и одним из центров возрождавшегося (лучше — разраставшегося) научного движения. Вновь расцветала и поэзия. Создана была специальная кафедра для чтения и толкования сочинений Данте. Она поручена была его поклоннику и первому биографу, знаменитому писателю Боккаччо. Слушателей стекалось так много, что нельзя было собираться в университетских аудиториях, и лекции перенесены были в известную нам церковь святого Стефана у Старого Моста.

Флорентийцы воздавали честь своему гениальному согражданину, которого изгнали из родного города партийные ненависти. Война лишила Данте тесного отечества, Флоренции; он умер и погребен в приютившей его Равенне. Но его скоро признала великим Италия и все мыслящее человечество. Из глубины его замечательных произведений звучит его любимый призыв. Его политический трактат проникнут мыслью, что «всеобщий мир — лучшее из благ, которые устроены для нашего счастья». И «Божественная Комедия» вдохновляется тем же образом: «Радость и несказанный восторг, жизнь, полная любви и мира, твердое достояние без злобной борьбы!» К этому стремятся и нынче радеющие о новом строе трудового общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Предисловие 5

1. Италия и Флоренция. Происхождение города и характер его развития 7

2. Рост Флоренции. Обстановка улиц и жилых домов. Знатные рыцари и торгово-промышленные цехи. 20

3. Семейные нравы. — Праздники и общежительность. 34

4. Пиры и собрания. — Ссора между Буондельмонте и Оддо Арриги 58

5. Примирение и помолвка (Буондельмонте и Амидеи). Свадебные обряды и обычаи 71

6. Измена клятве. — Женитьба Буондельмонте и кровавая месть 82

7. Фамильные «вендетты»; возникновение «гвельфов» и «гибеллинов» 100

8. Внутренняя борьба классов, партий и знатных родов во Флоренции XIII в. «Магнаты» и «народ». Украшение города 111

9. Борьба за мир и новые беды. Слово Данте 131